

Почему и какъ мы приближаемся къ анархіи?

Д-РЪ ЛЕО.

ПОЧЕМУ и КАКЪ
МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ
КЪ АНАРХИИ?

БЕРЛИНЪ.

Издание Гуго Штейнница.

Шарлоттенштрассе 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе	7
I. Анархія, какъ соціальная болѣзнь	9
II. Индивидуумъ и соціальный строй во взаимной и перемежающейся борьбѣ	15
III. Христіанская религія ведетъ къ абсолютному самодержавію церкви и монарха	26
IV. Христіанство протестуетъ противъ общественаго произвола церкви и монарха	35
V. Появленіе науки и вырожденіе христіанской религіи	44
VI. Вырожденіе монархизма	53
VII. Общественная власть капитала и протестъ труда	64
VIII. Вырожденіе капиталистическаго строя	75
IX. Коммунистическій строй и абсолютная власть труда	88
X. Коммунистическій строй падаетъ въ борьбѣ за абсолютную свободу личности	97
XI. Вырожденіе науки и анархія мысли	105
XII. Анархія, какъ „momento mori“ христіанско-научной культуры	121

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ настоящей очеркъ, считаемъ долгомъ оговориться, что мы не претендуемъ на научную скурпулезность, которая боится смѣлыхъ выводовъ. Когда дѣло идетъ о сильномъ предвидѣніи будущаго соціального строя, можно и должно дать мѣсто и чутью и, если хотите, полету фантазіи.

Не домогаясь во что бы то ни стало быть оригинальнымъ въ исторической концепціи, мы замѣчая уже судороги родовъ грядущаго анархизма, лишній разъ позволяемъ себѣ повторить: *saveant consules!* тѣмъ, которые обладая индивидуальной и коллективной властью, забываютъ личность съ ея запросами свободы. Можетъ быть наше настроеніе слишкомъ пес-

симистично, да простится намъ, живущимъ въ эпоху террора надъ личностью, когда объективизмъ мысли невольно поддается безотрадному настроенію предчувствія смерти той современной культуры, составляющей тѣ цѣпи, которыя личность въ концѣ концовъ разорветъ.

I.

Анархія, какъ соціальная болѣзнь.

Всѣ орудія, которыя имѣются въ распоряженіи современнаго западно-европейскаго государства, дружно направлены противъ анархистовъ. Ихъ казнятъ, садытъ въ пожизненное тюремное заключеніе, слѣдятъ и преслѣдуютъ на каждомъ шагу; ругательству и презрѣнію, начиная отъ ежедневнаго репортера и кончая ученымъ высшаго ранга, дана полная свобода. Однако, какъ криминальній полицейскій, такъ и философъ-моралистъ сознаютъ, что врагъ не побить, не уничтожень, быть можетъ, даже не запуганъ.

Гдѣ же этому причина?

Вѣдь это ничтожная группа людей, осмѣлившаяся поднять свою руку на миллионную толпу народа, стоящую за неприступнымъ оплотомъ укоренившихся порядковъ, убѣжде-

ній, традицій, законовъ, охраняемыхъ многотысячнымъ войскомъ штыковъ и ружей, — и тѣмъ не менѣе впечатлѣніе получается такое, что ни остріе стали, ни пули ружей, какой бы твердой и мѣткой рукой общественной власти они не были бы направлены, въ намѣченную цѣль не попадутъ, сердца врага не пронзятъ.

Почему-же?

Да потому слышутся тамъ и здѣсь голоса, что анархисты послѣдователи теоріи, а противъ теоріи нельзя сражаться, ее нельзя гильотинировать, разстрѣлять, заковать, запереть подъ тюремный замокъ, она всегда найдетъ своихъ защитниковъ, героевъ, своихъ слѣпыхъ поклонниковъ.

Разъ это теорія, такъ спрашивается, нельзя ли ее опровергнуть доводами ума, логически разбить, показать всѣ ея несообразности, нелѣпости, спустить на нее, однимъ словомъ, всю свору злѣйшихъ журналистовъ, краснорѣчивѣйшихъ теологовъ, искусившихся въ діалектикѣ юристовъ, изошрившихся въ метафизикѣ профессоровъ.

Уже забили барабаны нравственного негодованія, затрещали фразы ѣдкаго сарказма, выступила артиллерія ученой латыни, и поли-

лися по всѣмъ газеткамъ и толстымъ журналамъ ручьи и потоки чернильнаго краснорѣчія и глубокомыслія, — но, увы, шансы на побѣду отъ этого не увеличились и, вѣроятно не увеличатся.

Если исторія человѣческой жизни намъ въ достаточной мѣрѣ показала, что противъ теоріи, которая ищетъ первой возможности, чтобъ осуществиться въ дѣйствительности, нельзя итти штыкомъ, тогда противъ нея окажется и безсильной всякая логика, всякое краснорѣчіе, всякій призывъ къ морали и разуму. Потому, что подобныя теоріи, являются ли они результатомъ религіознаго, философскаго или соціальнаго склада мысли, всегда были и останутся не простымъ плодомъ праздной фантазіи, подкрѣпленной двумя-тремя теоретическими послылками, а невольнымъ выраженіемъ внутреннихъ мотивовъ, переживаемыхъ цѣлыми общественными группами.

Всякое государство, болѣе ли отдаленной или болѣе близкой эпохи, въ силу своихъ соціальныхъ законовъ, колеблется непрерывно между двумя крайностями политическаго полюса: абсолютнымъ монархизмомъ и абсолютнымъ анархизмомъ. Поэтому существованіе

анархистическихъ идей, подобно противоположной теоріи абсолютнаго монархизма, вызвано и обезпечено самой исторіей общественной жизни. И начиная отъ софистовъ и циниковъ и кончая Годвеномъ, Пруденомъ и Штирнеромъ, анархистическое ученіе безостановочно старается найти себѣ философскую формулировку, выработаться въ устойчивое социаль-политическое мировоззрѣніе, и какую силу логической убѣдительности оно можетъ получить въ будущемъ, этого намъ не предскажетъ ни одинъ пророкъ.

Объявляя-же теперь съ полнымъ правомъ мысли и чувства, выступающія на аренѣ словеснаго, художественнаго и музыкальнаго творчества, въ самомъ широкомъ смыслѣ анархистическими, мы должны открыто признать, что ихъ единогласное появленіе за послѣднія 20—30 лѣтъ не есть игра простой случайности, не минутное духовное затменіе, не злое чародѣйство, вызванное подземными силами, а имѣютъ свои обуславливающія культурныя причины. Тотъ захватывающій всесвѣтнѣйшій успѣхъ, которымъ пользуются новаторы индивидуалисты-анархисты, будетъ ли это Ницше, Ибсенъ или Толстой, объясняется

не силой ихъ краснорѣчія, не гармоніей ихъ художественныхъ красокъ, не полетомъ ихъ философской мысли, а тѣмъ органическимъ родствомъ, въ какомъ они находятся съ самимъ современнымъ обществомъ, являясь толкователемъ его собственныхъ смутныхъ ощущеній, въ немъ давно живущихъ, но еще дремлющихъ, не сложившихся и неопредѣлившихся идей и идеаловъ.

То же самое и въ проявленіяхъ политической жизни: незачѣмъ въ данномъ случаѣ Казеріо, Лучія, Брезіо, убившихъ невинныхъ людей, историческимъ ходомъ событій поставленныхъ на вершину соціальной организаціи, клеймить то уличными разбойниками, то сумасшедшими, то относить ихъ къ первымъ аванпостамъ ученія анархизма. Незачѣмъ возводить ихъ даже въ степень фанатиковъ этой политической религіи, такъ какъ они не только не знакомы съ теоріей Прудона и Штирнера, они не только не знаютъ ни Ницше, ни Толстого, они не слышали даже имени Бакунина и Крапоткина, ближе уже къ нимъ стоящихъ по образу мысли. Не они представители анархизма, не они его проводники въ общество, но теорія тянется за ними, она форму-

лируетъ ихъ поступки, а сами они бессмысленные, произвольные факторы, слабыя общественныя единицы, поддавшіяся общему недомоганію и выступившія на периферіи соціального организма, какъ первые симптомы, свидѣтельствующіе о нашемъ собственномъ культурномъ заболѣваніи.

Имѣя храбрость объявить себя больными, мы будемъ неустрасливо ставить діагнозъ болѣзни, безбоязненно раскрывать свои язвы, доискиваться до корня ихъ причинъ, и, какой бы приговоръ мы сами себѣ не вынесли, мы должны его встрѣтить съ достойнымъ мужествомъ объективно думающаго ума.

Для этого вначалѣ мы остановимся на одинъ моментъ на природныхъ законахъ, стремленіяхъ и цѣляхъ всякаго живущаго общества, а затѣмъ, отодвинувшись на разстояніе, исключющее всякую партійность, развернемъ передъ собою великую духовную карту переживаемой христіанско-научной эпохи и будемъ открыто, съ размаху въ большихъ чертахъ, отмѣчать тѣ соціалъ-психологическіе мотивы, которые могли всего болѣе способствовать развитію этой болѣзни, именуемой анархизмомъ, или безначаліемъ.

II.

Индивидуумъ и социальный строй во взаимной и перемежающейся борьбѣ.

Спрашивая себя, есть ли безначаліе или арнахія нѣчто ненормальное, паталогическое, абсолютно противоположное самимъ законамъ человѣческой природы, мы должны тѣмъ болѣе отвѣтить отрицательно, такъ какъ это есть то примитивное, нетронутое состояніе, въ какомъ находился человѣкъ, выйдя непосредственно изъ нѣдръ природы. Послѣдняя не давала ему ни завѣтовъ любви, ни злобы, ни власти, ни рабства, ни добродѣтелей, ни преступленій, — она наградила его лишь одной несокрушимой силой борьбы за жизнь и съ этимъ наслѣдіемъ предоставила его самому себѣ.

Все, что теперь имѣеть человѣкъ въ своемъ распоряженіи, все, чѣмъ онъ теперь гордится или чего стыдится, любить или ненавидить, созидаетъ или уничтожаетъ, все что дѣлать, дѣлаетъ и будетъ дѣлать, все это лишь тѣ орудія, за которыя онъ берется то безсознательно, то сознательно, въ своей вѣковой, безустанной борьбѣ за существованіе.

Въ первобытномъ состояніи человѣкъ былъ предоставленъ нестѣсняемому произволу. Этотъ абсолютный произволъ могъ въ немъ выработать и укрѣпить лишь одинъ законъ, одно право: право на личное самосохраненіе; и въ своей борьбѣ за мѣсто, пищу и половыя побужденія онъ боролся и защищался всѣми орудіями, на которыя ему непосредственно указывалъ животный инстинктъ самосохраненія.

Такое состояніе полного безправія и безначалія великій авторъ „Левіафана“, Гоббсъ, характеризировалъ какъ „борьбу всѣхъ противъ всѣхъ“. Борьба всѣхъ противъ всѣхъ предполагаетъ абсолютную свободу дѣйствія каждаго противъ каждаго и тѣмъ исключаетъ всякую возможность общественнаго сожитель-

ства. Ясно, что развитие социальнаго организма начнется лишь съ постепенной потерей свободы каждаго и пропорціональнымъ пріобрѣтеніемъ господства многихъ или одного надъ утратившими свою свободу.

То, что заставляетъ человѣка разстаться съ своимъ правомъ произвола и вступить въ совмѣстную жизнь, будетъ чисто психо-физиологическая причина. А именно, она, какъ комплексъ силъ, подчиняется также тому закону подчиненія, что не расходуетъ эти силы слѣпо, но идетъ по кратчайшему пути сопротивленія, стараясь гарантировать свою жизнь съ ея радостями съ наименьшей для себя опасностью и затратой силъ.

Съ первыхъ шаговъ своего тяжелаго опыта человѣкъ выноситъ то элементарное стратегическое знаніе, что двое сильнѣе одного, что лишь совмѣстная борьба можетъ споспѣшествовать благополучію каждаго, и, какъ бы дики, пугливы и разрозненны они ни были, они чувствуютъ себя вынужденными вступить въ общественные союзы. Этимъ первымъ союзомъ была семья. Семья, какъ эмбрионъ государства, содержитъ въ своемъ зачаточ-

номъ состояніи его характерныя черты и особенности. Здѣсь инстинктъ личнаго самосохраненія слабѣтъ, смѣняясь родовымъ; половое влеченіе изъ акта животнаго удовлетворенія переходитъ въ привязанность и любовь; члены же семьи, отыскивая себѣ совмѣстно пищу, жилище, защищаясь и нападая, приучаются видѣть другъ въ другѣ не врага, а необходимаго сотоварища, помощника, друга.

Въ семьѣ человѣкъ беретъ первые уроки солидарнаго сожителства, учится цѣнить коллективные интересы и подчинять свое желаніе желанію общему. А главное, и на первомъ планѣ, изъ отношеній мужа къ женѣ, а жены къ мужу, родителей къ дѣтямъ, а дѣтей къ родителямъ, уже въ семьѣ развивается право сильного надъ слабымъ, старшаго надъ младшимъ, право повелѣвать и требовать повиновенія. Слѣдовательно, самые устои этого перваго общественнаго агрегата обусловливаются отреченіемъ отъ абсолютнаго произвола, и тѣмъ кладется начало власти и подчиненію, господству и рабству, тому краеугольному камню, на которомъ впоследствии создается всякое общественное сожителство, со всѣмъ его сложнымъ аппаратомъ

правления. Начиная отъ религиозныхъ обрядностей, мѣстныхъ обычаевъ и кончая юридическимъ механизмомъ личныхъ, общественныхъ, государственныхъ правъ и повинностей, — все это направлено къ одной и той-же единственной цѣли: къ ограниченію индивидуальнаго произвола, абсолютной свободы.

Мы лично выходимъ изъ предположенія, что инстинктъ самосохраненія есть основной законъ человѣческой природы, какъ это принято думать, а борьба какъ таковая. Инстинктъ самосохраненія есть лишь неразрывный психическій спутникъ физиологической потребности борьбы, не только борьбы за существованіе, но борьбы какъ широкаго, всесторонняго, гармоничнаго расходыванія имѣющихся силъ, согласно наклонностямъ, привычкамъ и общественнымъ условіямъ даннаго индивидуума. Изъ этой природной необходимости дать полное выраженіе своимъ психическимъ и физическимъ силамъ и вытекаетъ та непреодолимая потребность къ полной, ничѣмъ нестѣсняемой свободѣ поступковъ и дѣйствій. Степень желанія обладать этой свободой будетъ пропорціональна самой силѣ индивидуума, и, чтобъ достигнуть

ея, онъ не всегда будетъ справляться съ доводами ума, личной и общественной пользой.

Поэтому какъ бы общественной жизнью ни было воспитано чувство покорности и повиновенія, человѣкъ будетъ безостановочно искать первой предоставленной ему возможности, чтобъ избавиться отъ стѣсняющихъ его преградъ, возложенныхъ на него общественной властью, ослабить или свергнуть ее, чтобъ самому стать на ея мѣсто, такъ какъ она служить ему идеаломъ могущества и свободы произвола.

И гдѣ только мы встрѣчаемся съ первыми признаками общественной ассоціаціи, тамъ мы находимъ властвующихъ и подчиненныхъ, господство и рабство, съ затаенной или открытой борьбой; чѣмъ рѣзче выразится сознание своего господства и своего подчиненія, тѣмъ ожесточеннѣе выступитъ и внутренняя борьба.

Власть и подчиненіе дифференцируются и крѣпнютъ соотвѣтственно величинѣ и силѣ самого общественнаго агрегата. Когда родственные семьи сливаются въ общины, а эти въ свою очередь добровольно или силой присоединяются къ другимъ, тогда образуются

тѣ общественныя группы, въ которыхъ власть старшихъ родичей или предводителей уже сознательно направлена на полное подчиненіе и ограниченіе поступковъ другихъ.

Если въ первобытномъ состояніи борьба человѣка представляетъ изъ себя борьбу всѣхъ противъ всѣхъ и каждаго противъ каждаго, то въ подобныхъ общественныхъ группахъ она претерпѣваетъ ту метаморфозу, что становится борьбой немногихъ противъ всѣхъ и всѣхъ противъ немногихъ. Съ достиженіемъ же общества окончательной формы развитія въ видѣ государства, когда власть переходитъ въ однѣ единственныя руки, а абсолютный суверенъ старается гарантировать свое могущество совершеннымъ порабощеніемъ своихъ подчиненныхъ, социальная борьба принимаетъ новую форму: борьбы одного противъ всѣхъ и всѣхъ противъ одного.

Борьба за ограниченіе индивидуальной свободы и борьба индивидуума за свою свободу есть та внутренняя борьба между жизнью и смертью, та необходимая реакція созиданія и разрушенія, которая характеризуетъ всякое живое существо и составляетъ природный законъ общественнаго организма.

Понятно, что сила каждого государства будет покоиться не столько на его природных богатствахъ, количествѣ имѣющихся общественныхъ единицъ или личномъ могуществѣ правящей власти, сколько на томъ органическомъ сцѣпленіи, въ какомъ будутъ находиться какъ управляющіе, такъ и управляемые, какъ повелѣвающіе, такъ и повинующіеся.

Общественная гармонія можетъ быть достигнута только тогда, когда члены даннаго общества здоровы, сильны и дѣятельны, когда государственныя функціи совершаются такъ же легко и автоматически, какъ процессы дыханія, сердцебіенія или кровообращенія, когда права каждого строго опредѣлены и гармонированы и въ то же время каждому изъ членовъ предоставлена юридическая и матеріальная возможность дать полное выраженіе своей физической и духовной личности.

Такое равновѣсіе государственнаго организма можетъ служить лишь идеаломъ, въ дѣйствительности-же оно или совершенно не существуетъ, или отличается минимальною продолжительностью. Причины этого: во 1,

то, что власть не представляет изъ себя мертваго безстрастнаго механизма, но воплощается въ лицѣ человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками; во 2, самыя единицы общественнаго агрегата не представляют изъ себя равныхъ, тождественныхъ психо-физиологическихъ силъ, но полный хаосъ непримиримѣйшихъ противоположностей по чувствамъ, мыслямъ, способностямъ, убѣжденіямъ и идеаламъ; въ 3, ничто не въ состояніи убить въ человѣкѣ, начиная съ низшихъ и кончая высшими слоями общественнаго строя, его природной подвижности и стремленія къ переменамъ, къ борьбѣ, связанной съ завистью, съ самолюбіемъ, мщеніемъ, его жажды къ славѣ, богатству и власти.

Въ этомъ постоянномъ антагонизмѣ между господствующими и подчиняющимися съ одной стороны и разнообразномъ столкновеніи индивидуальныхъ силъ, наклонностей, желаній и страстей съ другой и выражается вся общественная жизнедѣятельность; благодаря имъ, происходитъ социальный отборъ, общественный агрегатъ растетъ, развивается, увеличивается, совершенствуется и, въ силу есте-

ственной или искусственной нарушенія этой функціи, приближается къ концу своего существованія.

Аналогично тому, какъ на какой бы ступени органическаго развитія мы ни взяли животное, будетъ ли это моллюскъ, бабочка, или хищный звѣрь или человѣкъ, какими бы внѣшними или внутренними преимуществами своего рода или вида оно ни обладало, оно подчинено лишь извѣстной продолжительности жизни; точно такъ же и общественный организмъ: въ какія благоприятныя условія онъ не былъ бы поставленъ, какъ не былъ бы онъ изолированъ отъ разрушающихъ обстоятельствъ, никакіе искусственные приемы, никакія усилія ума, ни могущество, ни богатство, ни мудрость правителя, ни доблесть гражданъ, какъ не спасли, такъ не спасутъ его, какъ человечество не нашло, такъ не найдетъ такихъ физическихъ и духовныхъ средствъ, которыя могли бы защитить его отъ смерти, какъ міроваго закона.

Государство, какъ народившееся, живущее и умирающее существо, не имѣетъ какой либо судьбой предначертанной цѣли; его цѣли ограничиваются лишь неизмѣнными потреб-

отъ смерти... Какъ мѣрзавого закона...

ностями, его задачи исчерпываются полнымъ выраженіемъ и израсходованіемъ имѣющихся въ немъ силъ, оно не останавливается ни передъ какими преградами, одинаково служа какъ процессу созиданія, такъ и разрушенію соціального организма.

Оба эти процесса, безостановочно смѣняя другъ-друга, идутъ параллельно въ продолженіе всей общественной жизни, но въ началѣ преимущественно преобладаетъ созидающій или интеграціонный, въ концѣ-же разрушающій или дезинтеграціонный процессъ. Первый изъ нихъ будетъ состоять въ прогрессивномъ ограниченіи свободы индивидуума, ведущемъ къ абсолютному монархизму, второй въ прогрессивномъ приобрѣтеніи отдѣльнымъ индивидуумомъ утраченной свободы, ведущемъ къ абсолютному анархизму. И вся исторія политическаго развитія государства будетъ исторіей борьбы одного противъ всѣхъ и всѣхъ противъ одного.

III.

Христiанская религiя ведетъ къ абсолютному самодержавiю церкви и монарха.

Религiя, какъ духовное отраженiе всего пережитаго, передуманнаго и перечувствованнаго народомъ, является повсюду, въ особенности въ болѣе отдаленныя времена и въ менѣе культурныхъ странахъ, однимъ изъ руководящихъ мотивовъ всѣхъ общественныхъ событiй, ихъ неизмѣннымъ спутникомъ и главнымъ регуляторомъ самаго социальнаго строя, — при чемъ при интеграцiонномъ процессѣ общественнаго агрегата религiей пользуются, какъ политической силой, люди, стоящiе во главѣ власти, для увеличенiя своей власти; въ перiодъ же разложенiя, или дезинтеграцiи она

служить съ такимъ же успѣхомъ подчиненнымъ рабамъ для сверженія своего рабства.

Мы попробуемъ показать, что подобную роль играетъ христіанская религія и наука въ христіанско-научной культурѣ нашей эпохи.

Извѣстно, что развитіе религіи идетъ наряду съ общественной жизнью, и она тамъ лишь находитъ для себя благотворную почву, гдѣ послѣдняя даетъ человѣку возможность хоть на минуту отдохнуть отъ тяжелой борьбы съ окружающимъ, гдѣ онъ находитъ время бросить удивленный взглядъ на небо и землю, призадуматься надъ ихъ поразительными явленіями, спросить себя, какъ и зачѣмъ они произошли, кто всѣмъ руководитъ и въ чемъ заключается смыслъ и цѣль его собственной жизни.

Величіе и таинственность природныхъ силъ вселяетъ человѣку чувство простого страха, за которымъ слѣдуетъ темное полчище всевозможныхъ суевѣрій. Суевѣрія, постепенно выясняясь и очищаясь, складываются въ религіозное чувство, порождая цѣлый міръ идоловъ и божествъ, которые въ свою очередь въ концѣ концовъ сливаются въ понятіе единого Бога.

Съ вѣрой во единого Бога выступаетъ идея божественной цѣлесообразности; съ ея появленіемъ человѣкъ перестаетъ считать себя случайно брошеннымъ на поверхность земли, жизнь ему не кажется бессмысленной и безцѣльной, онъ начинаетъ себя чувствовать принадлежностью высшей, всѣмъ правящей и руководящей силы, которой онъ будетъ во время своего жизненнаго пути или по окончаніи его награжденъ или наказанъ.

Самое представленіе о грозномъ карающемъ Богѣ запугиваетъ, застрашиваетъ человѣка, умаляетъ его въ его собственныхъ глазахъ, заставляетъ думать о себѣ, какъ о ничтожномъ и грѣшномъ существѣ. Желаніе задобрить и умиловить эту всевышнюю правящую силу ведетъ къ религіозному культу обрядностей, церемоній и поклоненій. Этотъ культъ религіознаго смиренія выступаетъ впервые, какъ духовная дисциплинирующая сила, повелѣвающая человѣку не поступать подъ аффектомъ своей страсти, злобы или мести, не давать волю своимъ инстинктамъ, своему желанію и произволу, а ограничивать свои поступки соотвѣтственно религіознымъ обычаямъ и предписаніямъ.

Голые, абстрактные религиозные догматы принимаютъ затѣмъ характеръ этико-соціальныхъ узаконеній, и уже въ заповѣдяхъ Моисея почитаніе родственныхъ узъ, уваженіе чужой собственности постулируется долгомъ, общественнымъ принципомъ, а въ простулатѣ „зубъ за зубъ“ ясно выступаетъ мысль о жизни, какъ соціальной цѣнности, согласно которой долженъ измѣряться и понесенный ущербъ и заслуженное наказаніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ религиозное міровоззрѣніе начинаетъ оказывать вліяніе на самый строй общественной жизни, распространяется все болѣе и болѣе общественная власть самихъ представителей религіознаго культа. Въ началѣ на всевозможные вопросы даютъ отвѣты отцы дѣтямъ, старшіе младшимъ, пока эти обязанности не переходятъ въ руки особыхъ священнослужителей. Священнослужители, исполняя роли то судей, то предводителей, то военначальниковъ, образуютъ собой правящій классъ, и, рано разгадавъ въ религіи силу, способствующую имъ направлять волю толпы согласно своей собственной волѣ, толкуютъ свое ученіе уже не подъ диктантъ безпристрастной фантазіи, но какъ находятъ удобнымъ для своей цѣли

отъ автора

*отъ автора
12-20-20
1/2-1/2-1/2*

и выгоды. Вѣра-же въ божескую цѣлесообразность, въ загробную жизнь, предстоящій небесный судъ — все это служить имъ лишь хорошимъ средствомъ для застрашиванья, для запугиванья, для полнаго смиренія и подчиненія своихъ подвластныхъ, для дальнѣйшаго укрѣпленія своей власти.

Наступаетъ новая эра. Божественный геній Иисуса открываетъ корень человѣческаго зла, несчастій и бѣдствій. Онъ инстинктивно угадываетъ, что человѣкъ, вынужденный давать своимъ силамъ то выраженіе, которое онъ унаслѣдовалъ въ безчисленные годы своей борьбы за существованіе, долженъ съ такой-же естественной необходимостью, какъ защищаться, такъ безостановочно искать этой борьбы, имѣть потребность искусственно вызывать это состязаніе, втягивать ближняго въ борьбу и вражду. Это зло Христосъ былъ намѣренъ однимъ полетомъ мысли, однимъ горячимъ словомъ религіознаго убѣжденія пресѣчь въ его зачатіи, уничтожить въ его руководящемъ мотивѣ, примирить враждующее человѣчество, ослабить вѣками вкоренившійся инстинктъ личнаго самосохраненія, внушая

живущимъ и борящимся: не сопротивляться злу и любить ближняго, какъ самаго себя.

Когда же смиреніе и любовь берутся за основные тезисы христіанскаго ученія, когда Христосъ призываетъ людей къ самообузданію, къ самопожертвованію во имя уваженія и любви къ ближнему, тогда этико-соціальный элементъ въ религіи достигаетъ своей высшей и совершеннѣйшей формы. Христіанское ученіе не замедлило явиться могущественнымъ общественнымъ факторомъ, способствующимъ, однако, не столько тѣсной и мирной связи между единовѣрцами, сколько опять развитію самой религіозной власти въ лицѣ церкви.

Христіанская церковь, проповѣдуя миръ и любовь среди людей, во имя того-же завѣта мира и любви требуетъ теперь полнаго повиновенія и подчиненія себѣ; пользуясь этимъ, она совершенно поработываетъ своихъ вѣропоклонниковъ, лишая ихъ всякой свободы поступковъ и мысли, воплощая въ то-же время свою власть въ абсолютномъ самодержавіи папы. Папа объявляетъ себя наперсникомъ и защитникомъ Господа-Бога, отвѣтственнымъ въ своихъ дѣяніяхъ лишь въ небесахъ и непогрѣшимымъ на землѣ. Папа апостоль на-

рода, указанный Всевышнимъ, онъ говорить и поступаетъ во имя Бога, и въ лицѣ его воплощается могущественнѣйшая индивидуальность социальной власти, совершенно выдѣлившейся и отдѣлившейся отъ толпы, которая всѣми средствами и способами ниспровергается къ его стопамъ.

Изъ всѣхъ кровавыхъ страничекъ человѣческой исторіи съ полнымъ правомъ можетъ считаться самой отвратительной и гнусной та, гдѣ представители христіанскаго ученія, съ крестомъ въ рукѣ и завѣтомъ любви на устахъ, ставя своимъ лозунгомъ: „цѣль оправдываетъ средства“, чтобъ распространить якобы христіанское ученіе, дѣлаются самымъ страшнымъ, изощрившимся въ своихъ преступленіяхъ, полновластнымъ правителемъ народа. Изъ представительства небеснаго царствія папа устраняетъ земное царство и такъ сживается съ ролью полновластнаго господина, что смотритъ на народъ, какъ на свою неотъемлемую принадлежность, собственность или добычу, стоящую въ его полномъ распоряженіи. Изъ за этого права безпрекословно распоряжаться народомъ, а главнымъ образомъ его имуществомъ, начинается открытая борьба,

то между отдѣльными епископами и папой, то между папой и королемъ; иногда они вступаютъ въ мирныя соглашенія, но жажда власти и господства не даетъ ни тому ни другому продолжительнаго покоя. Папа ратуетъ повсюду за свое духовное и свѣтское верховенство, король же старается свое свѣтское могущество закрѣпить пріобрѣтеніемъ духовной власти, и рано или поздно христіанская религія, какъ грозная сила правленія, переходитъ въ руки послѣдняго. Съ этого момента король становится главой государства не только, какъ военачальникъ и высшій представитель правленія, но и какъ священная личность. Онъ теперь говоритъ и поступаетъ во имя Бога, во имя Бога клянется ему каждый быть вѣрнымъ рабомъ, право управлять и повелѣвать всѣми и надъ всѣми принадлежитъ теперь исключительно ему. Именемъ Бога король устанавливаетъ и уничтожаетъ законы, наказываетъ и казнитъ, награждаетъ и милуетъ, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, обогащаетъ или разоряетъ, спасаетъ или ведетъ къ гибели, вся судьба народа сосредоточивается въ его рукахъ, и онъ учитъ, развиваетъ и даетъ ему то направленіе, какое

Какъ мы приближаемся къ анархіи?

3

онъ находить удобнымъ для своего абсолютнаго монархизма.

Такъ великіе завѣты любви Христа, подобно всякой другой религіи, даютъ возможность государству направить свои силы, по основному принципу общественной организаціи: власти и подчиненія, до крайнихъ предѣловъ. Они вырабатываютъ окончательный типъ абсолютнаго суверена; всѣ общественныя единицы подпадаютъ подъ полное рабство, какъ послѣдователи одной религіи, учащей братству, любви и смиренію; какъ дѣти одного духовнаго властелина, какъ слуги одного безграничнаго повелителя.

Побѣда одного надъ всѣми здѣсь торжествуетъ, и соціальный агрегатъ христіанскаго государства заканчиваетъ тѣмъ свой интеграціонный процессъ.

*Сол — мн
Водна цел.*

IV.

Христіанство протестуетъ противъ общественнаго произвола церкви и монарха.

Весь режимъ правящей власти создается изъ той пользы и выгоды, которая она представляетъ повинующимся въ ихъ коллективной жизни. Но власть, продолжая съ неудержимой силой развиваться до абсолютнаго монархизма на счетъ абсолютнаго рабства, перестаетъ быть, наконецъ, вѣками сложившейся естественной необходимостью для народа, а народъ переходитъ въ необходимую принадлежность монарха, становясь объектомъ ничѣмъ не стѣсняемой эксплуатаціи.

Такой абсолютный монархъ во главѣ народа Западной Европы напоминаетъ собой содержателя звѣринца, который кормитъ своихъ

звѣрей и змѣй, чтобы они только не пропали съ голода, а то это невыгодно и небезопасно. Представитель власти знаетъ, что народу нельзя дать возможность свободно двигаться, думать и разсуждать и что тамъ, гдѣ онъ лежитъ, придавленный нуждой и бѣдностью, онъ смиренъ, послушенъ, имъ легко управлять.

Ясно, что въ подобномъ государствѣ интересы ограничиваются удовлетвореніемъ лишь первыхъ необходимостей, о самостоятельной общественной инициативѣ не можетъ быть и рѣчи, взаимное соревнованіе сведено къ минимуму, духовные и политическіе идеалы отсутствуютъ, и живому социальному отбору нѣтъ болѣе мѣста. Соціальный организмъ, продолжая здѣсь существовать лишь запасомъ своихъ природныхъ силъ, утрачиваетъ постепенно свою эластичность, подвижность, жизнеспособность, впадая въ какую-то полудремоту.

Для самого суверена становится замѣтно и чувствительно, какъ страна его бѣднѣетъ, земледѣліе запускается, природныя богатства не обрабатываются, торговля и промышленныя предпріятія увядаютъ, а народъ, періоди-

чески голодая, обезсиливаетъ, беспомощно переходя отъ одного несчастья къ другому. Не имѣя надежды на лучшее земное существованіе, народъ переноситъ свой смутный идеалъ счастья въ районы небеснаго царствія, и суверенъ охотно поддерживаетъ его въ этой безвредной мечтѣ.

Съ паденіемъ автономіи церкви, она съ своей божественной и общечеловѣческой службы переходитъ на коронную. Совершая богослуженіе на непонятномъ для народа языкѣ, обставляя его таинственной торжественностью, такъ удручающе дѣйствующей на фантазію, она воспѣваетъ хвалебные гимны царствующему главѣ, и умиленное стадо церкви на колѣняхъ прибавляетъ свое „амень“.

Король, видя въ религіи вѣками испробованное средство, укрѣпляющее вѣрноподданническое чувство, возлагаетъ свои лучшія надежды на церковь, а слуги послѣдней, имѣя доходную статью и общій почетъ, въ своемъ призваніи усердствуютъ въ обученіи народа христіанской религіи. Но мы уже замѣтили, что истинная религія лишь тамъ находитъ себѣ хорошую почву, гдѣ помыслы человѣка не всецѣло заняты непосредственной борьбой

за существованіе, гдѣ соціальныя условія даютъ ему возможность отдохнуть, подумать, свободно направить свою мысль согласно его душевнымъ запросамъ и способностямъ. Гдѣ же король продолжаетъ неустанно хозяйничать надъ достояніемъ народа, а ученіе церкви приняло характеръ фанатической нетерпимости, примѣромъ чего можетъ служить Италія и Россія тамъ, несмотря ни на какія угрозы и притѣсненія, религія дальше внѣшнихъ обрядностей не идетъ, и отсутствіе религіозныхъ чувствъ и интересовъ почти что составляетъ характерную особенность этихъ народовъ.

Когда-же среди народа, благодаря тѣмъ или другимъ условіямъ, оказался болѣе или менѣе зажиточный классъ, страдающій отъ произвола правящаго суверена не исключительно физически, но нравственно и духовно; когда религія дѣйствительно въ состояніи была стать религіозно-политической санкціей, тогда отъ распространенія христіанскихъ догматовъ получился совершенно неожиданный для власти эффектъ. Зажиточный классъ, въ часы досуга, разбираясь буква за буквой въ Новомъ Завѣтѣ, пораженный и возмущенный, читаетъ въ тѣхъ же цитатахъ, которыя ему

изо дня въ день нашептывало услужливое духовенство, другой смыслъ, другое значеніе, видитъ въ нихъ не хитросплетенную петлю, не народный бичъ и божеское наказаніе, а великое слово утѣшенія, защиту и оплотъ отъ своихъ-же палачей и гонителей.

Народъ тѣснили, грабили, давили непосильными налогами и трудомъ, прибавляя, что все это дѣлается для его душевнаго благополучія, для усмиренія плоти, а если онъ плачетъ, охаетъ, жалуется, такъ или иначе ищетъ случай выказать свое неудовольствіе, такъ это потому, что онъ грубъ, невѣжда, плохой христианинъ: вѣдь Христось завѣщаль любовь, преданность, смиреніе, а главное — несопротивленіе злу.

Зачѣмъ-же вы сопротивляетесь злу, спрашиваетъ прочитавшій евангеліе, почему вы не идете навстрѣчу не прихотливому желанію, а крайней нуждѣ нашей? Если Христось завѣщаль любовь, такъ почему же вы насъ не любите, а мучаете, пытаете, высасывая изъ насъ послѣднія капли крови и силы? Ясно стало читающему евангеліе, что какъ языческимъ богамъ не нужны были человѣческія жертвы, такъ и великій Богъ-Человѣкъ не

мѣсть, пробуждая въ немъ уснувшаго звѣря, омрачая его умъ на добычу и богатство, заглушая въ немъ всѣ чувства состраданія виномъ и барабаннымъ боемъ, какъ не глава государства? Это не могутъ быть христіане, и христіане имъ не могутъ повиноваться!

И проникнувшіе въ истинный смыслъ ученія Христа начали требовать, чтобы его слово стало достояніемъ народа, чтобъ религія вышла изъ цѣпкихъ рукъ духовенства и правительства, чтобъ уничтожили всю эту театральную декоративность, отнявшую у народа его послѣднее достояніе, чтобъ перестали одурманивать его дымящимся ладономъ и пѣнопѣніями на чуждомъ ему языкѣ, а чтобъ смыслъ ученія былъ бы ясенъ каждому и всякому, и чтобы передавали его такъ, какъ просить умъ и сердце. ✓

Часто ураганъ, пронесшійся въ одномъ лишь мѣстѣ безграничнаго моря, заставляетъ всколыхнуться всю его громадную поверхность, и долго бѣгутъ, бушуя и пѣснсь, его высокія волны. Такъ же разъ реформаціей прочитанное ясно вслухъ евангеліе не пропало безслѣдно, не осталось неслышаннымъ, но запало глубоко въ сердце cadaго, гдѣ только имѣется

христіанская церковь, христіанскій король, христіанскій народъ. Всѣ почувствовали себя равными передъ Тѣмъ Богомъ-Человѣкомъ, Который принялъ страдальческую смерть за всѣхъ людей, и, какъ дѣти Его, не хотятъ быть болѣе безгласными, обезличенными, раздавленными рабами, но во имя Его-же завѣта любви требуютъ къ себѣ человѣческаго отношенія и во всякомъ насиліи, изъ рукъ кого бы оно не происходило, видятъ: грѣхъ, зло и произволь.

Униженный и поруганный народъ съ тѣмъ же евангеліемъ въ рукъ объявляетъ теперь войну тѣмъ, кто его училъ евангелію!

Основные догматы христіанства, освобождаясь все болѣе и болѣе отъ церковной ветоши и проникая въ сознание народа, какъ чистые, высокіе завѣты нравственности, принципиально и неуклонно возстаютъ противъ всякаго произвола, воплотится-ли онъ во владычества церкви или свѣтской власти.

Какъ въ каждомъ зародышѣ уже хранятся корни его смерти и, съ достиженіемъ существомъ его индивидуальной величины, роста и средней продолжительности жизни, всякій новый ударъ пульса питаетъ и укрѣпляетъ

лишь разрушительныя силы, — точно такъ же и здѣсь: хотя христіанская религія способствовала окончательному сосредоточенію общественной власти въ одномъ единственномъ лицѣ, надѣляя его земной и небесной авторитетностью, но дальнѣйшее распространеніе той-же религіи ведетъ неизбежно къ подрыву этой власти одного надъ всѣми, т. е. выступаетъ, какъ разлагающая или дезинтегрирующая сила.

V.

Появленіе науки и вырожденіе христіанской религіи.

Руководимый слѣпымъ чутьемъ инстинкта самосохраненія, народъ отгадываетъ въ ученіи Христа религію не сильнаго, а слабаго, не властелина, а раба.

Онъ читаетъ евангеліе, учится и хочетъ развиваться, но церковныя и свѣтскія власти намѣрены оставить дорогое для нихъ право учить его исключительно за собою. Онѣ борются отчаянно, остервенѣло, какъ раненные звѣри, за каждое слово сказанное и написанное помимо ихъ желанія и воли.

Нерѣдко уже правящимъ классомъ высказывается опасеніе за широкое и популярное изложеніе евангелія, страхъ заходитъ такъ далеко, что нагорная проповѣдь прямо отмѣ-

чается, какъ опасная, полная соблазна, революціонная пропаганда.

Однако, власти продолжаютъ оставаться въ заблужденіи: хотя слово евангельскаго утѣшенія и нужно обиженному и обездоленному люду, но не его нужно учить смиренію и покорности, не отъ него нужно ожидать протеста и возмущенія, за свободу возстанетъ не тотъ, кто побить и просить пощады, а тотъ, кто въ состояннн бороться, имѣеть силу и возможность противостать съ одинаковымъ оружіемъ.

Кто же смѣлъ и былъ въ силахъ высказать слово сомнѣнія и недовѣрія противъ абсолютнаго догматизма христіанской религіи? Кто могъ себя чувствовать неудовлетвореннымъ поясненіями церкви? У кого было время задуматься надъ проблеммой мірозданія и сущности бытія Всевышняго? Гдѣ могъ скопиться этотъ запасъ духовныхъ силъ, грозящій перешагнуть за положенные предѣлы и порвать узкія пути религіозной догмы?

Въ самихъ же монастырскихъ кельяхъ брошается искра сомнѣнія, тамъ устраивается первый заговоръ разсудка противъ чувства, тамъ нарождается новая религія, религія разума-наука.

Съ первыхъ шаговъ науки церковь видитъ въ ней своего заклятаго врага, но ни тюрьма, ни пытки, ни казни не могутъ испугать этихъ первыхъ апостоловъ мысли. Они, къ ужасу церкви, выходятъ изъ ея же дверей и переносятъ свою мученическую жизнь и смерть отъ сыновъ Христа съ тѣмъ неустранимымъ величїемъ, съ какимъ ее перенесъ самъ Христосъ. Между соперниками разыгрывается борьба не на жизнь, а на смерть. Чѣмъ яростнѣе становится церковь въ своемъ безумномъ преслѣдованіи науки, тѣмъ антирелигіознѣе, ненавистнѣе дѣлается наукѣ ея врагъ — религія, тѣмъ больше находится желающихъ идти на эшафотъ во имя свободы мысли.

Церковь вырываетъ Джорджано Бруно языкъ, но сказанное имъ слово остается на вѣки, она его сжигаетъ, но этимъ дѣлаетъ безсмертнымъ; въ послѣднихъ судорогахъ агоніи она подноситъ ему распятые для покаянія, но онъ собираетъ всѣ оставшіяся силы, чтобъ отъ него отвернуться. И съ нимъ все, что сохранило въ себѣ что-либо человѣческое, съ ужасомъ отвертывается отъ Христа, какъ Бога, и идетъ навстрѣчу Христу, какъ человѣку.

Не вѣрь въ Бога, но будь христіаниномъ, — возвѣщаетъ народившаяся наука, — вѣрь въ меня, какъ ты вѣрилъ въ Бога, и ты станешь христіаниномъ!

Не видишь развѣ ты, убѣждаетъ она чело-
вѣка, что такъ отстаивать свою вѣру, какъ
христіанская церковь, можетъ лишь одинъ
жалкій преступникъ, потерявшій надежду
найти оправданіе въ глазахъ всего свѣта? Да
гдѣ у ней доказательства превосходство хри-
стіанской религіи надъ магометанскою, надъ
іудейскою, надъ индійскою, надъ буддійскою?
Развѣ христіанскіе обряды не такъ же смѣш-
ны и глупы, какъ ихъ? Развѣ христіанскіе
священники не обираютъ, не грабятъ тебя
во имя Бога? Они увѣряютъ, что эта вѣра
есть истинная вѣра и она одна приведетъ
тебя къ воротамъ рая. Такъ не дѣлаютъ-ли
того же и другіе священники?

Вся твоя вѣра въ Бога покоится лишь на
фантазіи, ей можно дать то или другое на-
правленіе, ее можно разжечь или ослабить,
но она всегда останется достояніемъ твоего
личнаго чувства, только для тебя она есть и
будетъ убѣдительно, но не для чело-
вѣка, какъ такового? Если церковь до сихъ поръ тебѣ

твердила, что, чтобъ вѣровать, не надо думать, то я говорю тебѣ: думай, если хочешь вѣровать въ меня.

И только свободный, незабитый окончательно, человѣкъ услышалъ честный, взволнованный отъ глубины убѣжденія голосъ науки, какъ онъ начинаетъ думать и сомнѣваться въ своей прежней религiи, думать и вѣровать въ новую и отдается ей съ тѣмъ же горячимъ фанатизмомъ, какой выработала въ немъ сама религiя.

Долго онъ не понимаетъ своихъ новыхъ апостоловъ, но, привыкшій вѣровать, онъ вѣруетъ, онъ не можетъ допустить сомнѣнія въ словахъ тѣхъ, которые, гонимые и преслѣдуемые, безъ музыки и пѣснопѣнія, но съ вѣсами и мѣрой въ рукахъ, говорятъ, убѣждаютъ, дѣлаютъ математически очевиднымъ и для понимающаго понятнымъ.

Проходить годъ за годомъ, вѣкъ за вѣкомъ, и одинъ человѣкъ за другимъ, то меньше, то больше, усвоиваетъ себѣ законы матерiи и силы, пріучается наблюдать, вдумываться въ окружающія явленія, отыскивать ихъ естественныя причины. Съ изученiемъ растительнаго и животнаго царствъ и своего собствен-

наго организма чловѣкъ усматриваетъ, что онъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого организма, и что происходящіе въ немъ процессы преимущественно химическаго или физическаго характера. Подъ вліяніемъ же знакомства съ движеніемъ планетъ, образованіемъ земли и солнечной системы онъ узнаетъ, что нѣтъ небесъ, а есть лишь одно неизмѣримое пространство съ безчисленными планетами и кометами, среди которыхъ земной шаръ носится подобно пылинкѣ. Наука дѣлаетъ для чловѣка неоспоримымъ лишь одинъ выводъ: что появленіе его обусловлено не сверхъестественной силой, что онъ не одухотворенный слѣпокъ божественной скульптуры, а появился, живетъ и умираетъ въ силу природныхъ законовъ, подобно другимъ животнымъ; что его жизнь должна ограничиться лишь земнымъ существованіемъ и, что какъ нѣтъ небесъ, такъ нѣтъ и не можетъ быть небеснаго царствія и загробной жизни.

И религіозныя сказки о сотвореніи міра, о мукахъ ада и радостяхъ рая, о добрыхъ ангелахъ и злыхъ духахъ, со всѣмъ обширнымъ штатомъ чертей, вѣдьмъ и колдуновъ, уходятъ все болѣе и болѣе въ область преданія.

Самая вѣра во единого Бога, какъ всевышнюю правящую силу, остается въ состоятельныхъ и образованныхъ классахъ общества, какъ эмблема, какъ сухой отростокъ отжившей духовной вѣтви. Тамъ и здѣсь она еще высказывается, какъ унаслѣдованная духовная необходимость, но всякій уже знаетъ, что это простой безсильный звукъ, религіозная обрядность переходитъ въ безсмысленную, никому не нужную, безцѣльную обязанность.

Если нѣтъ Бога, загробной жизни, ангеловъ и чертей, такъ не можетъ быть и посланныхъ и избранныхъ Господомъ Богомъ людей, которые повелѣвали и распоряжались бы здѣсь на землѣ во имя Его, которымъ все работѣнно преклонялось бы и повиновалось бы и которымъ приносились бы съ послѣдними крохами достоянія, завѣтныя думы, мечты, желанія и прегрѣшенія.

Если о спасеніи души незначѣмъ, далѣе, хлопотать, а завѣты религіи: не убивай, не кради, чти собственность чужого, охраняются строго полиціей, а отчасти, въ силу привычки къ общественной солидарности, перешли въ завѣты совѣсти и чести, такъ какую послѣ этого роль должна играть церковь въ обще-

ственной жизни? И какъ этотъ страшный институтъ благодаря королямъ потерялъ свою свѣтскую власть, такъ благодаря науки онъ лишается своей духовной власти и деморализованный, одряхшій и обнищальный, изъ года въ годъ теряетъ общественное вліяніе, отживая постепенно свой многогрѣшный вѣкъ.

Религія избавила человѣка отъ суевѣрія, наука избавляетъ его отъ религіи и онъ, по своей природѣ не могущій вѣровать въ двухъ боговъ, исповѣдывать двѣ религіи, бросается изъ церкви въ школы, гимназіи, университеты, и для него нѣтъ теперь другой истины, другого закона, другого наставника, другой книги, кромѣ великой книги природы, проповѣдуемой апостолами науки.

Великимъ сподвижникамъ науки кажется, что стоитъ только человѣчеству сбросить съ себя грязныя лохмотья предразсудниковъ, выбиться изъ церковной кабалы, подняться надъ своими слѣпыми заблужденіями, отдѣлаться отъ своихъ мизерныхъ страстей и мелкихъ корыстолюбивыхъ желаній, и человѣкъ не только станетъ господиномъ общественныхъ нуждъ, не только прекратитъ всякія смуты и ссоры во имя разума, но и станетъ царемъ

природы, на что она дала ему право, какъ шедевр своего органическаго совершенства. Но всезахватывающая сила науки заключалась не въ открытыхъ ею всемірныхъ законахъ, не въ истинности проповѣдуемыхъ ею взглядовъ, не въ несомнѣнности ея выводовъ, а въ томъ, что она апеллировала не къ чувству и вѣрѣ, а къ пониманію ума. Она хотѣла быть не привилегіей той или другой націи или народа, а религіей исповѣдуемой всѣмъ человѣчествомъ, стать достояніемъ каждаго ищущаго истины, правды и спасенія отъ своего невѣжества.

Если бѣдный и запуганный народъ долго еще не можетъ отказаться отъ мысли о безгрѣшности церкви, разстаться съ своимъ всемогущимъ, милостивымъ, правящимъ Господомъ Богомъ, отъ Котораго онъ чааетъ получить высшіе небесные дары, то все остальное, что начало самостоятельно жить и думать, переноситъ все богатство фантастическихъ красокъ съ загробной жизни на земную; вѣра въ общее земное счастье становится величайшимъ рычагомъ дальнѣйшаго человѣческаго прогресса.

VI.

Вырожденіе монархизма.

Подобно церкви, увѣрявшей народъ въ своемъ божественномъ величїи, въ истинности своихъ словъ, обставлявшей себя священной таинственностью, чтобъ долѣе быть неразгаданной въ преслѣдованїи своихъ личныхъ цѣлей, и самодержавный монархъ, самовольно воспитывая и обучая народъ, внушаетъ каждому о выдающихся своихъ душевныхъ качествахъ, о благородствѣ, умѣ, мужествѣ, милосердїи и т. п. Съ дѣтства старательно прививается каждому мысль, что нѣтъ высшей любви, какъ любовь къ королю, что нѣтъ высшей добродѣтели, какъ умереть на полѣ битвы за его имя и честь, что онъ слава и гордость народа, что независимость, свобода, счастье и вся судьба страны обязаны ему од-

ному. Окружающая его пышность, богатство дворцовъ, блескъ слугъ, крайняя недоступность, все это, наилучшимъ образомъ, способствуетъ возведенію его въ фантазіи народа на пьедесталь земного полубога. И королю кажется невѣроятнымъ, чтобъ глупый, грубый, невѣжественный народъ могъ иначе хотѣть, желать и думать, чѣмъ указано закономъ, говорено церковью, учено школой, воспѣто въ одахъ придворными поэтами и написано въ книгахъ, просмотрѣнныхъ бдительной цензурой. Онъ не можетъ допустить мысли, чтобъ эта презрѣнная масса позволила себѣ расти и развиваться по свойственнымъ ей внутреннимъ законамъ, а не по той мѣркѣ и фасону соціального платья, какое ей было дано и насильно одѣто.

Вѣками воспитанный и унаслѣдованный религіозный фанатизмъ обоготворенія и повиновенія народъ всецѣло переноситъ на личность своего монарха, и если, такимъ образомъ, религія сдѣлала его всеильнымъ, то наука, подкопавшись подъ религію, снимаетъ и съ него ложный ореолъ величія.

Религію, какъ выраженіе темнаго народнаго чувства, монархъ сумѣлъ сдѣлать своимъ вѣр-

нымъ орудіемъ, но онъ не зналъ, что дѣлать съ наукой, какъ плодомъ ума и разсудка, возвышеннымъ и ничѣмъ неподкупаемымъ влеченіемъ сердца. Иногда онъ пробуетъ драпироваться въ мантию высокаго покровителя искусства и науки, но рѣдко являлись представители послѣдней въ золоченая королевскія палаты. Тамъ смотрятъ на нихъ сверху внизъ, съ неподдѣльнымъ высокоомѣріемъ, но и не безъ затаеннаго страха, какъ на атеистовъ, отщепенцевъ церкви, друзей народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ на своихъ личныхъ враговъ.

Медленно, но неуклонно проникаетъ просвѣтительное слово науки въ широкую массу народа, и если его болѣе способная и независимая часть вычитала въ Новомъ Заветѣ — братство, любовь и равенство всѣхъ въ небесахъ, то въ книгѣ науки вычитываетъ про равенство всѣхъ на землѣ. Равны вѣдь передъ матерью природой и сильный, и слабый, и богатый, и бѣдный, и знатный вельможа, и деревенскій простолюдинъ, и папа католическій, и обыкновенный грѣшникъ, и могущественный король, и его ничтожный рабъ. Въ природѣ царствуетъ лишь одна сила, — сама же сила, воплотится ли она въ

оружіи, въ умѣ ли, въ чувствѣ ли, въ унаслѣдованномъ ли почетѣ или уваженіи — это все равно. Силенъ тотъ, кто силенъ! Властвуетъ въ этомъ мірѣ тотъ, кто сумѣлъ захватить себѣ власть, знатенъ и богатъ тотъ, кто сумѣлъ стать знатнымъ и богатымъ, слѣдовательно, и независимымъ будетъ тотъ, кто не захочетъ быть зависимымъ, и свободнымъ будетъ тотъ, кто не захочетъ оставаться рабомъ.

Наука знакомить далѣе, если не короля съ народомъ, то народъ съ королемъ, если не съ настоящимъ, то съ прошедшимъ, если не съ своимъ, то чужимъ, и видитъ народъ, что тотъ король — полубогъ, за котораго его заставляли молиться, которымъ внушали гордиться и на котораго учили надѣяться, — нерѣдко идіотъ по уму, лѣнивый, пьяный и грубо развращенный, отдаетъ беззаботно судьбу своего народа въ грязныя руки любовницы-кокотки или перваго попавшагося проходимца служителя.

Стали извѣстны дворцовыя попойки, безобразія, оргіи, несправедливости, насилія, жестокости, и скоро раскрылась полная духовная и нравственная нищета правителей.

Перестало быть также тайной, что за короля думаютъ, за него дѣлаютъ, за него судятъ, за него правятъ, за него воюютъ, а если онъ умираетъ, то народъ долженъ отдавать свои потомъ облитые гроши для созиданія великому, непобѣдимому, великодушному монарху грандіозныхъ памятниковъ.

Повсюду на городскихъ площадяхъ красуются теперь еще эти жалкіе памятники народной глупости и постыднаго безсилія воздать благодарность тому, кому благодарнымъ и обязаннымъ себя чувствуешь. Сталъ догадываться человѣкъ за человѣкомъ, что, какъ его судьба находится не въ рукахъ Господа Бога, а душевное благополучіе не въ рукахъ церкви, такъ и его земное благополучіе не въ рукахъ вѣнценоснаго монарха. Понялъ каждый, что, какъ проповѣдуемая ему религія не имѣетъ ничего общаго съ христіанствомъ, христіанство съ духовенствомъ, духовенство съ Богомъ, такъ и Богъ съ королемъ, а король съ народомъ!

Разочаровавшись въ своихъ лучшихъ надеждахъ на небснаго Бога, народъ становится недовѣрчивъ къ земному, и, присматриваясь къ поступкамъ своего монарха, онъ начинаетъ

робко разсуждать, критиковать, затѣмъ пробуетъ открыто осуждать, порицать и наконецъ сопротивляться.

Когда распутство и безпечность французскихъ королевъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ наглости, когда чаша бѣдствій переполняется, тогда жизнеспособная часть народа осуждаетъ своего монарха, и съ головой Людовика падаетъ навсегда социальное суевѣріе въ святость и неприступность монаршей личности. Сбросивъ съ себя тяжелыя цѣпи религіознаго и государственнаго произвола, Франція хочетъ исповѣдывать только религію науки, поклоняться только богу-разуму, но тѣ руки, которыя ставятъ богиню разума въ „Notre Dame“, обрызганы кровью, дрожатъ отъ страсти всѣхъ проснувшихся хорошихъ и дурныхъ чувствъ.

Народъ физически и нравственно разслабленный, вѣками отученный управлять и заботиться о собственныхъ общественныхъ нуждахъ, какъ затравленный звѣрь, почуя свободу, бросается на первый дикій призывъ своихъ инстинктовъ и такъ же слѣпо отдается въ полную власть корсиканца. Республика рождаетъ Наполеона, и льются рѣки крови

отъ Франціи до Москвы, содрогается все чело-
вѣчество отъ ужаса, при видѣ произвола
этого самодержавнаго деспота.

Зато, отъ Франціи до Москвы, днемъ и
ночью, про себя и вслухъ, стали задумываться
народъ надъ тѣмъ, какъ бы ослабить произ-
воль суверена, оградить его самовластіе, под-
чинить его поступки, оградить себя отъ его
права на полное безправіе. Претензіи народа
быть самому судьей въ своей собственной
судьбѣ дѣлаются настоятельныѣе и настоятель-
ныѣе. Прислушиваясь внимательно къ голосу
народа, къ его мнѣніямъ, желаніямъ, а подчасъ
и къ требованіямъ и угрозамъ, одинъ монархъ
за другимъ, то добровольно, то вынужденно,
теряютъ силу самовластнаго господина. Къ
тому же бездѣятельная, разнузданная двор-
цовая жизнь, съ браками не по влеченію, а
чисто изъ политическихъ цѣлей, способство-
вало ихъ окончательному нравственному и
физическому вырожденію; въ данной стадіи
нашей эпохи видны уже несомнѣнные при-
знаки вымиранія этихъ соціальныхъ ихтіоза-
вровъ и мамонтовъ, оставившихъ послѣ себя
на тронахъ какія то жалкія блѣдныя, безлич-
ныя фигуры.

Здѣсь и тамъ, то въ большемъ, то въ меньшемъ числѣ, появляются въ рядахъ правленія собственные представители народа. Но вслѣдствіе унаслѣдованнаго страха и традицій народъ продолжаетъ еще слушаться и благоговѣть передъ своимъ королемъ. Правда, онъ видитъ въ немъ уже не свое спасенье, не счастье, а скорѣе неизбежное социальное зло, такъ какъ физическая сила народа продолжаетъ пока оставаться въ его распоряженіи. Армія, выдрессированная монархомъ до потери мысли и чувства, двигающаяся и поступающая, какъ автоматическая машина, служитъ ему опорой и охраной отъ его собственного народа, а народъ въ ней видитъ необходимый факторъ защиты отъ внѣшняго врага. Выросшій въ непрерывной военной жизни, окруженный цѣлымъ сонмомъ, въ большинствѣ вымышленныхъ, героическихъ сказаній о своихъ короляхъ, полководцахъ, солдатахъ, народъ находится подъ постояннымъ гипнозомъ патріотизма, ложнаго чувства національнаго высокомерія и недоверія къ остальнымъ народамъ.

Но и здѣсь наука пришла ему на помощь. Построивъ пароходы и желѣзныя дороги, ускоривъ сообщеніе до поразительныхъ размѣровъ,

она познакомила одну страну съ ближайшими и отдаленнѣйшими странами, связавъ одинъ народъ съ другимъ торговыми, дружескими, родственными связями. При этомъ знакомствѣ оказалось, что народъ, какъ народъ, имѣетъ свои хорошія и дурныя качества; погруженный же въ свои ежедневныя заботы о заработкѣ, о пропитаніи семьи, о государственныхъ сборахъ, о своихъ мелкихъ общественныхъ интересахъ, онъ не только не видитъ въ сосѣднемъ государствѣ своего врага, не питаетъ какой либо непріязненности, не горитъ желаніемъ вторгнуться въ чужую страну, чтобъ разорить или покорить ее, но самъ дрожитъ при мысли о войнѣ, зная изъ горькаго опыта всѣ ея несчастія и бѣдствія. Ему хорошо извѣстно, что при орудіяхъ, которыя бьютъ на разстояніи 5—10 верстъ, нельзя показать ни личной храбрости, ни неустрашимости, что исходъ войны, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ отъ простаго случая, и что отъ завоеваннаго куска земли или пріобрѣтеннаго новаго порта государственные налоги не облегчатся, запущенныя поля не обрабатываются, обнищавшую семью никто не поддержитъ, убитаго сына никто не вернетъ.

Усвоивается постепенно христіанскими народами мысль, что во всѣхъ бѣдствіяхъ, причиненныхъ войною, виноваты не французы, нѣмцы, англичане, русскіе, а ихъ монархи съ ихъ министрами, съ ихъ приближенными совѣтниками, которые игру съ судьбой народа превратили въ какой-то спортъ и забаву. За послѣднее время это состязаніе, къ счастью, ограничивается желаніемъ перешеголять другъ друга своими военными доспѣхами, дальнобойкостью пушекъ, ружей, извергски приготовленныхъ пуль, бомбъ и ядеръ, своими неприступными крѣпостями, броненосцами, миноносками, торпедорами и т. п. изобрѣтеніями просвѣщенной культуры. Но народъ все неохотнѣе и неохотнѣе расплачивается за эти милыя затѣи, все недружелюбнѣе и недружелюбнѣе поглядываетъ на своихъ государственныхъ спортсменовъ. Истинныя идеи христіанской гуманности, проникая во всѣ слои народа, должны были сами по себѣ убить въ немъ кровожадныя чувства война, ослабить его ложное представленіе о военной и патріотической доблести, и мало уже находится такихъ, кто считалъ бы національной гордостью убить столько то тысячъ людей,

разорить столько-то городовъ, сжечь столько-то деревень. Наука-же въ свою очередь, научившая здраво разсуждать и объективно думать, развернула передъ каждымъ народомъ его истинную исторію, а главнымъ образомъ исторію другихъ народовъ и показала безъ прикрасъ весь ужасъ, безсмысліе и безцѣльность вѣденныхъ войнъ, ихъ главныхъ зачинщиковъ и виновниковъ и требуетъ мира, какъ во имя братства и любви, такъ во имя здраваго разсудка, личнаго и общественнаго благополучія.

Съ потерей монархомъ силы абсолютной власти, координирующій принципъ общественнаго сожителства слабнетъ, и государство, утрачивая свою социальную цѣлостность, индивидуальность внутренняго и внѣшняго самопроизвола, вступаетъ въ союзы и мирныя соглашенія съ другими государствами. Этимъ начался процессъ дезинтеграціи каждаго отдѣльнаго государства и тотъ громаднѣйшій процессъ интеграціи, который соединитъ всѣхъ христіанъ въ одно цѣлое, если не по внутренней социальной организаціи, то придастъ имъ внѣшнее единство.

VII.

Общественная власть капитала и протестъ труда.

Король, видя въ себѣ лишь верховнаго правителя и воеводу надъ глупымъ стадомъ народа, не думалъ о томъ, какъ примѣнить великія идеи и открытія науки даже для своей личной пользы, а сдѣлать ихъ достояніемъ народа онъ не могъ, такъ какъ онъ никогда не задумывался о его заботахъ и нуждахъ. Представителямъ науки оставалось лишь поспѣшить отдать дары ума и знанія тѣмъ, кто въ нихъ нуждается, кому они полезны, кто ихъ можетъ воплотить въ дѣйствительность.

Изобрѣтая чудотворныя машины, примѣняя къ нимъ природныя силы, наука на время выбиваетъ народъ изъ колеи общественнаго строя, изъ того ряда унаслѣдованныхъ тра-

дицій и взглядовъ, съ которыми онъ успѣлъ сжиться и сродниться, — она вводитъ его въ новое царство-царство капитала.

Богатство шло до сихъ поръ наряду съ соціальной индивидуальностью, а таковой были монархи, ихъ приближенные, служители церкви, — однимъ словомъ, всѣ тѣ, съ которыми народъ провелъ свои юные страдальческіе годы. Приученный вѣками смотрѣть на нихъ и чтить, какъ святыню, съ смиреніемъ переносить причиняемое ему зло, народъ не могъ допустить, что богатство и право пользоваться прелестями жизни можетъ принадлежать кому-либо другому, кромѣ нихъ.

Подъ вліяніемъ истиннаго ученія Христа народъ просыпается отъ внушеннаго ему церковью и правящими королями гипноза. Когда же наука начинаетъ говорить ему о царствіи разума и равноправіи, о вѣрѣ въ ея неисчислимыя открытія, въ неизмѣримыя силы ея духовнаго богатства, о томъ какъ она можетъ однимъ полетомъ мысли осчастливить все человѣчество и разомъ вырвать его изъ темнаго невѣжества и горькой бѣдности, тогда народъ, состарившійся въ тоскѣ о свободѣ,

Какъ мы приближаемся къ анархіи?

5

въ надеждѣ на лучшее, не сомнѣвается въ болѣе счастливой судьбѣ и въ своей разгоряченной фантазіи рисуеть яркія картины грядущей, полной радости, жизни.

Но сонъ проходить, и что видитъ человѣкъ, проснувшись отъ своихъ сладкихъ мечтаній? Европа не представляетъ болѣе живописной картины съ замками на неприступныхъ скалахъ, гдѣ живутъ рыцари съ ландкнехтами, выѣзжающіе на храбрыя схватки съ своими сосѣдями. Не слышно болѣе ни бряцанья оружія, ни ржанья боевыхъ коней, ни стонъ умиравшихъ, ни побѣдныхъ криковъ, ни пѣсенъ минезенгеровъ, ни горячихъ проповѣдей ратующихъ за Бога и человѣчество. Всюду и вездѣ высятся по своей громадѣ зданія, съ гигантскими трубами, заволакивающими небо дымомъ; протекающія въ ихъ близости рѣки остановлены запрудами; вода въ нихъ широко и далеко отравлена отбросами и красками; воздухъ пропитанъ зловонными испареніями, а въ самыхъ зданіяхъ стучать и вертятся съ адской силой паровыя машины, точно грозятъ порвать свои желѣзные рычаги и похоронить подъ собою сковавшихъ ихъ пигмеевъ.

Внутри этихъ каменныхъ закопченныхъ великановъ, въ дыму и чаду, копошатся тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей, работающихъ безъ усталы, безъ отдыха, до изнеможенія, напрягая свои силы, свое вниманіе, стараясь превратить себя въ механической автоматъ, чтобъ поспѣть за вертящимися колесами. День и ночь стучать машины, день и ночь работаютъ истощенные люди, день и ночь богатѣютъ ихъ властелины, день и ночь бѣднѣютъ ихъ рабы.

Что-же все это означаетъ?

То, что, какъ въ свое время религіей воспользовался тотъ, кто уже былъ силенъ, чтобъ сдѣлать слабаго слабѣе, точно также и наукой воспользовался тотъ, кто былъ богатъ, чтобъ сдѣлать бѣднаго бѣднѣе.

Капиталисты, подобно маленькимъ общинамъ, соединяясь подъ руководствомъ болѣе способныхъ, ловкихъ и богатыхъ людей, становятся грозными силами, но тотчасъ же находятъ себѣ соответствующее сопротивленіе: одному капиталу противопоставляется другой, и между новыми денежными королями и князьками разыгрывается вражда, борьба и свои денежные войны.

Извѣстно уже изъ житейскаго опыта, — паны дерутся, у хлоповъ чубы трещать: при военныхъ состязаніяхъ монарховъ страдали ихъ подчиненные, при поединкахъ же капиталистовъ несутъ свою дань рабочіе. Чѣмъ болѣе дешевую, продолжительную и большую затрату силъ сдѣлалъ рабочій, тѣмъ выгоднѣе для предпринимателя капиталиста. Капиталисты, сражаясь другъ съ другомъ, богатѣютъ; рабочіе, конкурируя другъ съ другомъ, бѣднѣютъ. Капиталь возрастаетъ на счетъ неоплаченной рабочей силы и, какъ факторъ общественной дѣятельности, не уничтожается, но, переходя изъ рукъ въ руки, остается, согласно механическому закону, въ наибольшемъ центрѣ притяженія и, примыкая къ нему, пріобрѣтаетъ еще большую силу, чѣмъ разрозненная величина. Рабочая-же сила можетъ конкурировать, предлагая себя израсходовать за меньшую плату, т. е. на счетъ своего собственнаго истощенія, переходя сама въ капиталъ и тѣмъ увеличивая силу своего противника.

Независимость капитала покупается цѣной зависимости работающихъ, а зависимость работающихъ пропорціональна ихъ бѣдности.

Чѣмъ богаче становится капиталистъ, тѣмъ бѣднѣе рабочій, и если абсолютный монархизмъ возросталъ на счетъ абсолютнаго рабства народа, то богатство растетъ на счетъ его абсолютной бѣдности.

Капиталисты, все глубже и глубже вѣдряясь въ соціалную организацію, не замедлили выступить вмѣсто власти факторомъ общественной концентрации и координаціи. Вся общественная жизнь въ нашъ вѣкъ соединяется въ рукахъ этихъ новыхъ сувереновъ. Вся государственная политика съ ея дорогими интригами и войнами сводится къ споспѣшествованію и процвѣтанію торговли и промышленности, т. е. къ дальнѣйшему обогащенію. Само правленіе подпало подъ ихъ вліяніе и выродилось въ оплотъ и защиту ихъ исключительнаго благосостоянія, а работающіе классы народа стали ихъ непосредственными слугами, ихъ матеріальными рабами. Капиталисты теперь цари общественной жизни. Имъ принадлежатъ фабрики и заводы съ десятками тысячъ полуголодныхъ рабовъ; они пользуются всѣми радостями жизни; они обладатели величественныхъ домовъ и виллъ; это они катаются по улицамъ

на рысакахъ; это они, разодѣтые въ шелкъ и бархатъ, блестя брильянтами, сидятъ въ театрахъ и концертахъ; передъ ними открываются широко двери въ пріемныя знаменитыхъ врачей и людей; имъ однимъ лишь доступно высшее образованіе и безопасная государственная служба; это для нихъ построены богатые отели и курорты, куда они съѣзжаютъ для отдыха отъ разврата и возбужденной биржевой игры, — имъ однимъ принадлежитъ теперь земное счастье! Однако, капиталъ, составляя только принадлежность, но не органическую необходимость общественной жизни, не можетъ достигнуть той силы соціальной интеграціи, какъ духовная и свѣтская власти. Поэтому и царство его произвола не можетъ быть такимъ абсолютнымъ и продолжительнымъ, какъ въ первыхъ случаяхъ.

Главнымъ психологическимъ мотивомъ, побуждающимъ къ интенсивному протесту противъ капиталистовъ, будетъ именно тотъ указанный нами фактъ, что представителей свѣтской власти народъ, благодаря исторически сложившимся событіямъ, привыкъ слушаться и повиноваться. Между тѣмъ его новые су-

верены-капиталисты не имѣють культурнаго развитія, не представляютъ собою опредѣленнаго историческаго типа, они сильны, но не внушаютъ ни чувства страха, ни уваженія, а скорѣе зависть, злобу и презрѣніе. Купеческій классъ никогда не пользовался любовью народа. Купцы всегда были лживыми льстецами передъ сильными и безсердечными тиранами нуждающагося бѣдняка, и, отлавишись наживѣ, они рѣдко справлялись при выборѣ средствъ съ долгомъ совѣсти и общественной справедливостью. Благодаря же быстрому обращенію капитала, они теперь представляютъ какой-то жалкій сбродъ счастливыхъ игроковъ судьбы: здѣсь и ростовщикъ, и карточный шуллеръ, и разбойникъ, улизнувшій отъ суда, и идиотъ-наслѣдникъ, и злостный банкротъ, и хлѣбный торговецъ, и банкиръ, и бывшій кабатчикъ, — здѣсь всѣ, но никого, кто бы думалъ и дѣлалъ для народнаго блага. Но эти ядовитые грибы общественной жизни, такъ быстро разросшіеся послѣ золотого дождика, не проживутъ долге своего лѣта. Сотни тысячъ людей въ каждомъ христіанскомъ государствѣ уже собрались и собираются подъ красное знамя социа-

лизма, и ждутъ перваго сигнала, чтобъ произнести свой судъ.

Народъ, прошедшій свою эпоху крѣпостничества, участвующій уже самъ въ борьбѣ, то за духовную свободу, то за освобожденіе отъ монархическаго ига, усвоиваетъ себѣ исторически мысль о свободѣ человѣческой личности и не ждетъ болѣе спасенія отъ Бога, церкви или монарха, а вступаетъ самъ въ активную социальную борьбу. Переставшій болѣе или менѣе вѣрить церкви въ истинности ея вѣроисповѣдыванія, папѣ въ его безгрѣшности, монарху въ его социальной святости, онъ не можетъ повѣрить лжи, что его собственное счастье и счастье всей страны зависятъ отъ торговли, промышленности и капитала, сосредоточенныхъ въ тѣхъ или другихъ недостойныхъ или жадныхъ рукахъ.

Если къ религіозной и политической реформѣ народъ становится способнымъ лишь при извѣстномъ уровнѣ матеріальнаго благосостоянія, то и здѣсь самъ капиталъ, помимо желанія, пришелъ на помощь своему врагу. Вызванное имъ необыкновенное развитіе промышленности потребовало неисчислимое количество рабочихъ рукъ, оторвало цѣлыя

массы народа отъ земли и сельскихъ занятій и тѣмъ сдѣлало ихъ болѣе подвижными, самостоятельными, менѣе зависимыми отъ мѣстныхъ и временныхъ условій. Эта часть народа, подъ неотступнымъ давленіемъ капиталистовъ, желавшихъ за меньшую единицу платы получить наибольшую единицу времени рабочаго труда, должна была прійти въ броженіе, начать интегрироваться и изъ разрозненной, инстинктивно борющейся съ капиталомъ, массы сплотиться въ обдуманную, сознательную организацію. Рабочіе, соединяясь въ товарищескія корпораціи, устраивая свои кассы, взаимно поддерживая общіе интересы, совместно протестуя и бастуя, невольно стали между собою кристаллизоваться въ группы, сливаясь въ цѣльный, обусловленный своей спеціальной борьбой и нуждой классъ.

Дѣйствительно, какъ показываетъ статистика, тогда какъ число большихъ капиталовъ изъ года въ годъ уменьшается, матеріальная жизнь работающаго люда улучшается, трудъ же самъ по себѣ облегчается, лучше оплачивается, переходя подъ контроль правительства. Трудящійся классъ, находя себѣ повсюду защитниковъ, своихъ апостоловъ, сво-

ихъ государственныхъ представителей, стоитъ теперь на порогѣ того, чтобъ изъ произвольно эксплуатируемой силы превратиться въ ту сознательную, жизнеспособную общественную силу, которая положитъ предѣль произволу капитала и станетъ въ свою очередь основой для новаго, нарастающаго соціального строя.

VIII.

Вырожденіе капиталистическаго строя.

Главнымъ рычагомъ всякаго культурнаго прогресса является предоставленная свобода и возможность участвовать въ соціальной борьбѣ наибольшему числу общественныхъ единицъ.

Если эта соціальная борьба подъ гнетомъ физической власти абсолютнаго монарха была совершенно подавлена, то въ капиталистическомъ строѣ она проявляется въ трехъ, строго выраженныхъ, общественныхъ группахъ, а именно: въ отживающей монархической власти, въ господствующемъ капиталистическомъ классѣ, а главное въ проснувшейся и протестующей массѣ трудящагося народа.

Съ ослабленіемъ церковной и свѣтской власти, съ распространеніемъ научныхъ зна-

ній, техническихъ открытіи, съ ускоренными способами передвиженія и сообщенія, члены общества пріобрѣтають извѣстную свободу мысли и поступковъ, получаютъ первую возможность проявить свои способности и склонности. Соціальная конкуренція становится доступной, осуществленіе личныхъ идеаловъ кажется возможнымъ, и индивидуальная борьба за существованіе входитъ незамѣтно въ свои права.

Капиталь, являясь источникомъ земного благополучія, въ настоящее время не есть уже болѣе продуктъ личнаго усилія, а сумма совмѣстнаго, раздѣльнаго, необыкновенно дифференцированнаго труда. Споспѣшествованіе личному счастью должно было совпасть съ общимъ прогрессомъ, и на этомъ пути капиталистическій строй достигаетъ той степени технической цивилизаціи, какой мы не встрѣчаемъ ни въ одну изъ прошедшихъ историческихъ эпохъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, капиталистическій строй пробуждаетъ въ человѣкѣ, съ эгоистической любовью къ себѣ, и сознание цѣнности собственной индивидуальности: онъ ставитъ уже высшія требованія къ жизни, ищетъ болѣе широкаго и удовлетворяющаго

поля дѣятельности, хочетъ найти болѣе вѣрныя гарантіи въ своей борьбѣ за существованіе.

Однако, капиталъ, переходя отъ одного къ другому безъ всякаго предначертаннаго и опредѣленнаго плана, дѣлаетъ невольное житейское благосостояніе, со всѣми его радостями, чѣмъ-то случайнымъ, шаткимъ, неустойчивымъ, бросая нерѣдко десятки тысячъ человѣческихъ жизней на произволь судьбы или ставя ихъ въ зависимость отъ какой либо жадной, невѣжественной, заслуживающей лишь одного презрѣнія, личности. Такой ходъ событій еще болѣе способствовалъ усвоенію представленія, что земное счастье нельзя заслужить, добыть, заработать, что оно не плодъ ума, способностей, житейскаго мужества, а игра слѣпого, глупаго случая.

Капиталъ, какъ экономическая полезность, вытѣсняется, наконецъ, представляющими его внутреннюю цѣнность деньгами, и чѣмъ меньше послѣднія становятся выраженіемъ непосредственныхъ нуждъ и необходимостей жизни, тѣмъ пріобрѣтеніе ихъ дѣлается заманчивѣе, желательнѣе и переходитъ даже въ самую цѣль жизни. Религіозное смиреніе,

государственная добродѣтель, чары науки, счастье любви, все это исчезаетъ какъ миражъ, и всѣ усилія ума и тѣла направлены на одно — на то, чтобъ стать богатымъ.

Богатство, какъ концентрированная сила труда, можетъ быть приобрѣтено черезъ тотъ же трудъ, но упорный, нервный, специализированный, который сводится къ тому, чтобъ съ приобрѣтенными деньгами избавиться отъ этого, до бессмыслія односторонняго, убивающаго всякую рабочую энергію, труда.

Тамъ, гдѣ капиталъ избавилъ людей отъ труда, онъ сдѣлалъ ихъ еще несчастнѣе трудящихся: давъ имъ возможность все купить и все достигнуть, онъ отнял у нихъ величайшую радость жизни: сознание самостоятельной силы и общественной полезности. Мы видимъ ихъ повсюду тысячами сытыми, богато одѣтыми, скучающими, недовольными, усталыми отъ ничегонедѣланья; какъ отравленные мухи бродятъ они по салонамъ, тротуарамъ, курортамъ, отыскивая себѣ какое-либо дѣло, не зная куда себя дѣтъ, чѣмъ себя занять, къ чему себя примѣнить. Лишенное импульса сопротивленія и борьбы религіозное чувство должно было выродиться въ лицѣ

церкви; типъ соціального правителя — въ лицѣ монарха; въ силу той-же причины, гдѣ капиталъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, тамъ и атрофированная энергія жизнедѣятельности переходитъ съ нимъ по наслѣдству. И капиталистическому классу грозитъ та же медленная, но неминуемая гибель вырожденія.

Подобно всякому другому разлагающемуся государственному фактору, капиталъ оказываетъ свое первое и главное разрушающее вліяніе на семейную жизнь, на тотъ половой подборъ, который одинъ лишь можетъ застраховать естественное и прогрессивное продолженіе человѣческой жизни. Жениться-же по любви, по влеченію, слѣдовать святѣйшему чувству человѣческой природы становится въ капиталистическомъ строѣ чѣмъ-то постыднымъ, и бракъ, главнымъ образомъ въ зажиточныхъ классахъ, превращается въ торговую сдѣлку, доведенную до пошлаго рекламирования въ газетахъ, до спекулирующихъ конторъ-посредниковъ; его главный базисъ — экономическій, его девизъ: купля и продажа.

Бракъ для бѣдняка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для главной массы трудящагося молодого и

жизнеспособнаго люда, сталъ экономической невозможностью, а для того, кто имѣеть деньги, онъ пересталъ быть фізіологической необходимостью, такъ какъ каждый многолюдный домъ, рестораны, кафешантаны, сады, улицы, гостинныя мелкихъ чиновниковъ и важныхъ велможъ, все это превратилось, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, въ рынки продажной любви и разврата.

Продажную любовь настоящаго времени мы не можемъ назвать даже развратомъ, потому что подъ этимъ словомъ мы привыкли подразумѣвать излишество чувственныхъ наслажденій; между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, онъ вытекаетъ съ логической необходимостью изъ спроса и предложенія полового обмѣна. Какіе либо здравые логическіе принципы въ области любви отсутствуютъ теперь, какъ въ отдаленнѣйшей вѣкѣ у самыхъ невѣжественныхъ народовъ, замѣненные лишь исковерканными, грубыми предразсудками и обычаями, — вродѣ того, что мужчинамъ представляются широкія права половой невоздержанности до женитьбы и не меньше послѣ нея, между тѣмъ какъ женщина должна сохранять полную чистоту и неприкосновенность. Поэтому,

молодой человекъ, въ которомъ пробуждаются страсти, не можетъ дать имъ удовлетворенія въ соответствующемъ ему классѣ общества женщинъ и несетъ свои первыя, гордыя, юношескія мечты любви въ объятія уличной проститутки. Тамъ онъ черпаетъ свои познанія любви, тамъ онъ развращается, надсаживается, заражается. Пройдя полный курсъ венерическихъ болѣзней, духовно и физически истощенный, равнодушный и больной, онъ, понажившись, подъ старость лѣтъ, покупаетъ себѣ жену-сидѣлку, подругу отживающей жизни. И не мало находится отцовъ и матерей, которые охотно ведутъ подростка-дочь на брачное ложе богача-старика, совершая тѣмъ святейшій родительскій долгъ, обезпечивая счастье своего любимаго ребенка.

Положеніе дѣвушки, разумѣется, еще хуже.

Дѣвушка, у которой, вообще, созданія фантазіи преобладаютъ надъ дѣйствительностью, чувство надъ разумомъ, аффекты надъ волею, у которой за отсутствіемъ участія въ общественной жизни избытокъ силъ не знаетъ, въ чемъ найти исходъ, а половыя инстинкты начинаютъ предъявлять свои природныя тре-

бованія, уже въ преддверіи самої жизни стоитъ передъ жестокой дилеммой: или дать искусственное, болѣзненное удовлетвореніе своему половому влеченью, противъ чего протестуютъ всѣ фибры молодой души и организма, или предаться разврату. Другого исхода нѣтъ. Вѣдь никто ея не пойметъ, не проститъ, не защититъ, когда сила воли и нервная система откажутся ей служить въ непосильной и бесполезной борьбѣ съ страстями, и она, не соображаясь съ общественными предразсудками, слѣдуя влеченью своего сердца, на одинъ моментъ забудется на груди любимаго мужчины. Стыдъ, позоръ, отчаянье, проклятье родителей, злорадство знакомыхъ, безпомощность и нищета гонять ее, съ ребенкомъ на рукахъ, къ самоубійству или, еще хуже, въ клоаки проституціи.

Только капиталистическимъ строемъ вызвано то огромное движеніе эмансипаціи, что женщины, отказываясь любить и быть матерями, не хотятъ быть болѣе продажнымъ товаромъ, женами развращенныхъ стариковъ и требуютъ соціального равноправія, чтобъ самостоятельно бороться за свое существованіе.

Кромѣ всего этого, бракъ въ наше время обставленъ всевозможными религіозными и гражданскими кодексами, законами, обрядами: на любящихъ возлагается такая подавляющая масса непосильныхъ и даже противоестественныхъ обязанностей, что бракъ является для современнаго человѣка истинной обузой, которая не искупается даже самой горячей любовью и привязанностью. Ясно, что и выраженіе половыхъ влеченій въ нашемъ обществѣ не можетъ быть нормальнымъ, оно должно было обойти и обходить весь этотъ сложный аппаратъ бракосочетанія, эту нравственно тяжелую, отвѣтственную и не всегда выгодную экономическую сдѣлку.

Полчище холостяковъ, т. е. безполыхъ мужчинъ и женщинъ, увеличивается изъ года въ годъ до поразительныхъ размѣровъ, а орды проститутокъ тысячами гуляютъ открыто, подъ государственной охраной, по городамъ и деревнямъ, разнося ядъ заразныхъ болѣзней изъ семьи въ семью, отъ человѣка къ человѣку. Идеалы любви, какъ они отражаются въ текущей литературѣ и искусствѣ, не только измельчали, но стали какими-то неопредѣленными, уродливыми рефлексами

разума, переходящими въ патологическую эксцентричность. Страсть перешла въ болѣзненную чувственность, а чувственности отдаются съ болѣзненной страстью.

Семейное счастье ушло въ область преданья. Духовной чертой семейной жизни является раздоръ, апатія, отсутствіе общихъ интересовъ, — а фізіологической особенностью супруговъ будетъ: неравенство въ лѣтахъ, цѣлый рядъ неизлѣчимыхъ, изнурительныхъ болѣзней, съ естественнымъ или искусственнымъ безплодіемъ.

Когда бракъ становится выгодной куплей или продажей, когда здоровыхъ въ половомъ отношеніи мужчинъ и женщинъ почти что нѣтъ, когда разводъ, благодаря церковному наслѣдію, поддерживаемый государственными законами, представляетъ непоборимыя преграды, когда женщина въ свою очередь лишена всѣхъ правъ соціальной самостоятельности, а дѣти часто оказываются предоставленными на произволь судьбы, ясно, что семья при такихъ условіяхъ не можетъ быть ни счастливой, ни нормальной, ни общественно-полезной. Семья, этотъ основной элементъ всякаго государства, возстановивши мужа

противъ жены, жену противъ мужа, родителей противъ дѣтей, а дѣтей противъ родителей, — подточена, такимъ образомъ, капиталомъ въ своемъ корнѣ. Бракъ и любовь впадаютъ въ непримиримый антагонизмъ: нить полового подбора здѣсь прерывается; государство, теряя свою органическую цѣлостность живущаго и борящагося существа, не нуждается болѣе въ здоровыхъ и мужественныхъ воинахъ. Государство точно забыло, что семья его главное богатство, что она составляетъ зародышъ его будущаго счастья, и, предоставивъ бракъ на произволь безконтрольной частной воли, оно открыло широкія ворота всѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ алкоголизма и венерическихъ болѣзней, обрекая тѣмъ и себя на смертный приговоръ.

Общество капиталистическаго строя вступаетъ въ фазу своего фізіологическаго вырожденія, и на помощь ему не можетъ прійти ни отжившая церковь, ни абсолютная власть, ни наука; этотъ гордіевъ узелъ разрубится самой силой природной индивидуальности чловѣка въ борьбѣ за личное и родовое самохраненіе, въ борьбѣ за соціальное равновѣсіе и матеріальную независимость.

Противъ абсолютнаго самодержавія возсталъ лишь гражданинъ воинъ, протестуя противъ того, что онъ по первому желанію монарха долженъ оставить все ему дорогое и родное, идти на войну, убивать ни въ чемъ неповинныхъ передъ нимъ людей, что вся его жизнь, все его состояніе принадлежитъ не ему, а капризу сувереновъ и его приближенныхъ. Противъ капитала протестуетъ каждый живущій въ этомъ строѣ: здѣсь возстаетъ не только фабричный рабочій, но и вынужденный и невынужденный работать, бѣднякъ и состоятельный, холостякъ и семьянинъ, дѣвушка и замужня женщина, старикъ и ребенокъ, — всѣ чувствуютъ, что съ развитіемъ капитализма пошатнулись семейные и общественные устои, и они мчатся внизъ по теченію, не зная, къ какому берегу ихъ принесетъ, гдѣ они остановятся, что ихъ ожидаетъ и на что они могутъ надѣяться.

Процессъ государственнаго разложенія, выражаясь въ борьбѣ отдѣльной личности за свободу борьбы за существованіе, идетъ скорѣе, чѣмъ процессъ созиданія, т. е. ограниченія индивидуальной свободы во имя общественаго интереса.

Поэтому капиталъ, несмотря на свое кратковременное существованіе, какъ разлагающій факторъ, наноситъ соціальному организму неизлѣчимую, почти смертельную рану, и переживаемый имъ капиталистическій строй есть одна изъ переходныхъ стадій къ его распаденію.

Благодаря-ли стачкамъ, революціямъ, кровопролитнымъ битвамъ или доброму соглашенію, или въ силу собственнаго отживанія, смотря по мѣстнымъ условіямъ и національному характеру, но капиталистическій строй падеть въ борьбѣ съ индивидуумомъ за его матеріальную независимость, какъ церковная и монархическая власть пали въ борьбѣ за духовную и соціальную свободу.

IX.

Коммунистическій строй и абсолютная власть труда.

Какъ религія не осталась въ рукахъ церкви, правленіе въ рукахъ монарховъ, такъ и капиталъ не останется въ рукахъ капиталистовъ: народъ хочетъ самъ думать, самъ править, самъ пользоваться плодами своего труда.

Возвѣщенное христіанствомъ и наукой общечеловѣческое равноправіе идетъ впередъ и тогда достигнетъ своего конечнаго результата, когда свобода каждаго члена не номинально будетъ въ его распоряженіи, но ему будетъ дана матеріальная возможность воспользоваться предоставленными ему правами. Это полное общественное равноправіе осуществится при устраненіи соціальной индивидуальности, уничтоженіи юридической и матеріаль-

ной автономіи высшихъ общественныхъ классовъ. Капиталь не долженъ быть болѣе личнымъ имуществомъ, удерживаемымъ черезъ фамильное наслѣдіе, а долженъ стать общественнымъ достояніемъ, чтобы всякій могъ на него претендовать, сообразно съ затраченнымъ на него трудомъ, для увеличенія общественнаго блага.

Въ этомъ далекомъ, но приближающемся будущемъ коммунистическомъ сожительствѣ сочетаніе общественныхъ единицъ достигнетъ максимума своего соціального равенства: всѣ будутъ равны передъ каждымъ и каждый передъ всѣми, всѣ будутъ принадлежать каждому и каждый всѣмъ.

Тѣмъ не менѣе, самыя отправленія общественныхъ обязанностей должны будутъ съ естественной необходимостью выработать какъ управляющихъ, такъ и управляемыхъ, какъ повелѣвающихъ, такъ и повинующихся, какъ проступки, такъ и наказанія, какъ счастливыхъ, такъ и несчастныхъ, какъ довольныхъ, такъ и недовольныхъ, какъ консерваторовъ, такъ и либераловъ, какъ реакціонеровъ, такъ и революціонеровъ.

На кого-же будутъ ополчаться будущіе революціонеры, противъ кого строить свои баррикады, къѣмъ возмущаться и кого ненавидѣть?

Объектомъ народной оппозиціи всегда была общественная власть, воплощающая собою принципъ ограниченія свободы отдѣльной личности, безъ котораго немислимъ ни одинъ общественный агрегатъ. Если въ первый періодъ христіанской эпохи таковой была церковь, затѣмъ король, теперь капиталъ, въ социальномъ коммунистическомъ сожительствѣ будетъ — общеобязательный трудъ.

Координирующая сила труда будетъ заключаться не столько въ его общеобязательности, сколько въ его раздѣльности, въ его специализации, потому что человѣкъ христіанско-научной эпохи такъ свыкъся съ факторомъ раздѣльнаго труда, что, предоставленный самому себѣ, онъ окажется безпомощнѣ всякаго неразвитаго, первобытнаго человѣка. Дифференцированный, совмѣстный общеобязательный трудъ станетъ, съ одной стороны, сувереномъ, сохраняющимъ общественную цѣльность и единство коммунистическаго строя, съ другой — явится предметомъ оппозиціи, общаго недовольства и раздора.

Въ чемъ-же могутъ заключаться эти мотивы недовольства противъ новаго общественнаго господина? Казалось-бы, трудъ тѣмъ отличается отъ своихъ предшественниковъ, что, будучи достояніемъ и правомъ всего народа, онъ не можетъ впасть въ зависимость отъ чьего-либо единичнаго произвола, перейти въ монополію какого-либо избраннаго класса; затѣмъ, не передаваясь по наслѣдству изъ рода въ родъ, подобно монархической власти и капиталу, трудъ не подвергаетъ никого и самъ не подлежитъ вырожденію, и, наконецъ, казалось-бы, что, ставъ отвѣтственной необходимостью для всѣхъ, онъ можетъ только способствовать общественному отбору и тѣмъ удовлетворить одну изъ главныхъ потребностей соціальнаго прогресса.

Однако, это не такъ.

Раздѣльный трудъ былъ неоспоримо однимъ изъ главныхъ факторовъ прогресса христіанско-научной культуры, и, если онъ до сихъ поръ служитъ средствомъ обогащенія только отдѣльныхъ соціальныхъ индивидуумовъ, то въ будущемъ онъ станетъ главнымъ источникомъ общественнаго блага. Но мы знаемъ, что успѣшность и цѣнность труда тѣмъ выше,

чѣмъ уже сфера дѣятельности, въ которой работающій сконцентрировалъ свои силы. Подобный-же раздѣльный трудъ не только атрофируетъ въ работающемъ его остальные способности, но, какъ всякое одностороннее, одинокое, разрозненное занятіе, своей монотонностью и однообразіемъ дѣйствуетъ утомляющимъ и изнуряющимъ образомъ, нарушая общее психо-физиологическое равновѣсіе.

Такъ, этимъ объясняется въ настоящее время то, что фабричная работа, поставленная даже въ самыя лучшія условія, черезъ пять, много десять лѣтъ, отнимаетъ здоровье у самаго крѣпкаго рабочаго, дѣлаетъ его нервнымъ, раздражительнымъ, недовольнымъ, невоздержаннымъ. Кустарная же работа хотя и однообразна по ограниченному числу производимыхъ предметовъ, но, представляя собой большую цѣльность и законченность, не кажется работающему такой обременяющей и тяжелой. Земледѣльческій-же трудъ, который не легче и не лучше двухъ первыхъ, связанный въ то же время со всевозможными заботами и несчастіями, никогда не ложится на работающаго удручающимъ ярмомъ, благодаря только всестороннему участию въ немъ какъ психиче-

скихъ, такъ и физическихъ силъ, а также благодаря непосредственной, живой связи личнаго интереса между производящимъ и производимымъ.

Слѣдовательно, хотя полезность труда и выигрывается черезъ его раздѣльность, но эта спеціализація покупается цѣною психофизиологической цѣльности и своей раздѣльностью неизбѣжно ведетъ все къ большому суженію духовныхъ интересовъ. Если еще не такъ давно медикъ, юристъ, филологъ представлялъ изъ себя всесторонне развитаго челоуѣка, интеллектуальную силу, то въ настоящее время онъ долженъ уже употреблять всѣ силы своего ума, чтобъ стоять наравнѣ съ прогрессирующими открытіями и усовершенствованіями въ области своей узкой спеціальности.

Общественное-же благосостояніе въ коммунистическомъ сожительствѣ мыслимо лишь при прогрессирующей раздѣльности и общеобязательности труда. И онъ, развиваясь, подобно всякому другому государственному принципу, до своего крайняго предѣла, приметъ форму абсолютнаго господина. Если духовная власть церкви могла развиваться на

счетъ общаго невѣжества, самодержавіе монарха на счетъ общаго рабства, капиталъ на счетъ общей бѣдности, то процвѣтаніе общественнаго блага, построенное на принципѣ общеобязательнаго труда, на счетъ вырожденія индивидуума.

Общеобязательный трудъ, какъ общественный факторъ, обрекая индивидуумъ на вырожденіе, пойдетъ также самъ на встрѣчу собственной гибели. Трудъ въ коммунистическомъ сожительствѣ, благодаря своей специализаціи, перестанетъ быть естественнымъ отправленіемъ врожденныхъ способностей и наклонностей, онъ утратитъ характеръ творческой дѣятельности, онъ не сможетъ быть объектомъ вдохновенія и увлеченія, такъ какъ они имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ фантазіи дана полная свобода, гдѣ полетъ мысли охватываетъ широкое поле дѣятельности, гдѣ предначертанныя задачи выходятъ за предѣлы, указанные узкой дѣйствительностью. Общеобязательное и принудительное участіе всѣхъ въ трудѣ отнимаетъ у каждаго работающаго ту любовь, энергію и силу труда, которыя однѣ лишь заполняютъ высочайшими радостями и разочарованіями человѣческую жизнь.

Съ другой стороны, общеобязательный трудъ убьетъ импульсъ соревнованія, исключитъ всякую конкуренцію, своей массой подавитъ индивидуальную приспособленность и превосходство какъ въ производящемъ, такъ въ производимомъ. Затѣмъ, нужно предположить, что участіе всѣхъ въ общественномъ капиталѣ поведетъ неминуемо къ избытку продуктовъ надъ потребителями. Избытокъ-же продуктивности сведетъ борьбу за существованіе къ минимуму, дастъ возможность слабымъ и неспособнымъ продолжать свою жизнь наравнѣ съ остальными, а вмѣстѣ съ этимъ естественный ходъ соціального отбора прекратится, его основные элементы устранятся или уничтожатся, и соціальный факторъ утратитъ свою общественную жизнедѣятельность, полезность и необходимость. Несмотря на то трудъ будетъ продолжаться: вѣдь имѣющимъ силамъ нужно будетъ дать исходъ, найти занятія, отыскать какой либо путь для ихъ выраженія. Но, чѣмъ менѣе трудъ будетъ носить характеръ неизбѣжной необходимости, чѣмъ менѣе будетъ очевидна его непосредственная польза, чѣмъ отдаленнѣе окажутся результаты отъ личныхъ запросовъ работающаго, тѣмъ болѣе

онѣ будутъ невыносимо тягостнымъ бременемъ, грозящимъ въ конецъ уничтожить жизнеспособность отдѣльнаго индивидуума, утрачивая въ то же время свою собственную силу и власть социальнаго принципа. Когда въ коммунистическомъ сожителствѣ трудъ перейдетъ въ общественную повинность, когда побудительной причиной будетъ только моральная отвѣтственность, когда личнымъ волнующимъ чувствамъ не будетъ мѣста, когда дифференціація труда исключитъ всякую субъективную концепцію произвѣдимаго, когда непосредственная связь между производящимъ и производимымъ будетъ устранена, а съ перевѣсомъ продуктовъ надъ потребителями трудъ потеряетъ силу принудительности и общественной пользы, — тогда общеобязательный трудъ произведетъ надъ индивидуумомъ тотъ актъ психо-физиологической кастраціи, противъ котораго возстанетъ все, сохранившее въ себѣ что-либо здоровое, цѣльное, согласное съ законами человѣческой природы.

См. — Понятие Дина

Х.

Коммунистическій строй падаетъ въ борьбѣ за абсолютную свободу личности.

Мы видѣли, какъ инстинктъ личнаго и родового самосохраненія заставляетъ человѣка отказаться отъ своего первобытнаго произвола, какъ изъ той пользы и выгоды, которыя ему даетъ совмѣстное сожителство, онъ самовольно ограничиваетъ свою свободу обрядами, нравственными и правовыми обязательствами; какъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ общественнаго агрегата, ограничивающей индивидуальную свободу принципъ вырабатывается въ абсолютную власть, какъ, все болѣе и болѣе втягиваемый въ гигантскій механизмъ государственнаго организма, человѣкъ, наконецъ, оказывается всецѣло подъ гнетомъ

Какъ мы приближаемся къ анархіи?

этой общественной власти, на которую онъ безропотно работаетъ и для которой жертвуетъ собой, то какъ рабъ церкви, то какъ рабъ монарха, то какъ рабъ капиталиста, то какъ рабъ труда.

Общественная жизнь, вѣками отнимая у человѣка его естественное право на свободу воли и поступковъ, измѣняя и приспособляя его къ условіямъ, мѣсту и періоду его жизненнаго пути, прогрессируетъ на счетъ регресса человѣка, какъ свободной личности.

Въ этой долгой, упорной, вѣковой общественной борьбѣ человѣкъ учился также цѣнить свою собственную жизнь, учился отстаивать свои жизненные радости, свои желанія, свои цѣли, и, съ каждой пролитой за независимость каплей крови, индивидуальная свобода становилась все высшимъ и высшимъ одухотворяющимъ идеаломъ. Принципъ свободы и независимости всякаго и cadaго сталъ тѣмъ широкимъ русломъ, по которому неудержимымъ потокомъ направилась вся общественная жизнь; послѣдняя вынуждена была выставить его за свой собственный идеаль, сдѣлать за свою конечную цѣль, т. е. отказаться отъ своей основѣ, органической функ-

ци, координирующей, подчиняющей, господствующей власти. Иначе говоря, съ приобретіемъ отдѣльными индивидуумами все большей и большей духовной, политической, социальной и матеріальной свободы, съ прогрессомъ человѣческой личности, общественное сожительство распадается — регрессируетъ.

Если до сихъ поръ государственный организмъ продолжалъ свое существованіе на счетъ ограниченія свободы отдѣльной личности, то онъ пойдетъ къ концу, благодаря свободѣ этой личности. Общество можетъ не быть, но человѣкъ долженъ остаться.

Церковь думала, что, кромѣ ея мысли, нѣтъ другой мысли, монархъ, — что, кромѣ его воли, нѣтъ другой воли, капиталисты, — что, кромѣ силы денегъ, нѣтъ другой силы; такъ заблуждаются и социаль-коммунисты, предполагая, что совмѣстный обязательный трудъ есть единственно примиряющій общественный факторъ.

Да, могло бы показаться, что эволюція христіанско-научной эпохи ведетъ къ вѣчной любви и миру не только государства съ государствомъ, но и человѣка съ человѣкомъ, а въ коммунистическомъ сожительствѣ чело-

вѣкъ, достигнувъ духовнаго, соціального, политическаго и матеріальнаго равноправія, могъ бы отдохнуть отъ своего тяжелаго, терноваго пути. Здѣсь, можно было бы думать, борьба за существованіе, какъ таковая, падеть, человекъ выйдетъ изъ узкой сферы преслѣдованія личной пользы, онъ отдастся широкимъ, общечеловѣческимъ задачамъ и требованіямъ, его руководящимъ мотивомъ будетъ не „я“, а „онъ“, не эгоизмъ, а альтруизмъ.

Но вѣдь не инстинктъ самосохраненія есть законъ человѣческой природы, не любовь ея основной импульсъ, не миръ ея конечная цѣль, — а борьба. Эволюція прогресса поведетъ человека не къ уничтоженію борьбы за существованіе, а къ свободѣ этой борьбы за существованіе, и коммунистическій строй будетъ лишь одной изъ переходныхъ и послѣднихъ стадій по дорогѣ къ осуществленію его природнаго идеала.

Въ періодъ коммунистическаго сожителства, хотя одинъ не будетъ подвластенъ другому, слабый не будетъ вынужденъ работать на болѣе сильнаго, но, освободившись отъ крѣпостничества соціального индивидуума, человекъ не окажется предоставленнымъ самому

себѣ, не получить желаемой свободы, а перейдетъ въ полное распоряженіе общества, станетъ его собственностью, исключительно его рабомъ. Принципъ общественной власти и рабства достигнетъ здѣсь своей высшей формы исторической эволюціи. Повелителемъ явится не единичное лицо, но общество во всемъ своемъ цѣломъ, его рабами будутъ не тотъ или другой классъ, но всѣ и каждый въ отдѣльности. Но этотъ властелинъ въ то же время сливается нераздѣльно съ своими рабами и не можетъ уже имѣть физической мощи повелѣвать и требовать повиновенія; онъ перейдетъ лишь въ социальную функцію, въ принципъ, лишенный плоти и крови, а рабы его, которые завоевали полную социальную свободу, стоятъ уже внѣ общественной власти и предоставлены сами себѣ.

Какъ церковь убила произволь мысли, король убилъ произволь церкви, капиталъ убилъ произволь короля, такъ трудъ убьетъ произволь капитала, а свобода убьетъ произволь труда, т. е. человѣкъ, отвоевавъ себѣ свободу мысли отъ церкви, свободу социальную отъ короля, свободу матеріальную отъ капитала, не задумается и въ будущемъ со-

ціалъ-коммунистическомъ сожительствѣ отвоевать свободу своихъ поступковъ отъ обще-обязательнаго труда, отъ соціально-нравственныхъ обязанностей и повинностей.

Будетъ ли будущее коммунистическое сожительство сдерживаться остатками завѣта Христа любви и братства, или сознаниемъ силы солидарности и нравственнаго долга, или укоренившейся привычкой къ общественному сожительству, или своей беспомощностью внѣ совмѣстнаго труда,— все это разступится и разлетится въ прахъ передъ стремленіемъ отдѣльной личности вернуть свою природную свободу, — ту полную абсолютную свободу, къ которой человѣкъ шелъ то незамѣтно, то открыто, то инстинктивно, то разсуждая, то руководясь принципами морали, то употребляя насиліе.

Пора, наконецъ, сознать и понять, что начатая и болѣе ничѣмъ не сдерживаемая великая борьба, завѣщанная Христомъ и наукой во имя равенства всѣхъ, есть борьба во имя свободы всѣхъ, что ведомая борьба за свободу всѣхъ есть борьба за свободу каждаго, что борьба за свободу каждаго есть борьба противъ созданной соціальной индивидуаль-

ности, что борьба противъ соціальной индивидуальности есть борьба за свободу природной индивидуальности и что побѣда природной индивидуальности будетъ концомъ общественнаго сожителства.

Христіанство есть морализованная теорія анархіи, и анархія будетъ его практическимъ выводомъ; если соціаль-коммунизмъ явится воплощеніемъ этого христіанства, т. е. дать всѣмъ и каждому соціальную и матеріальную свободу, то анархія — природную.

Къ состоянію анархіи общественное сожителство прійдетъ тѣмъ-же путемъ, руководясь тѣми-же законами, какимъ оно пришло къ абсолютному монархизму.

Произволь породилъ инстинктъ личнаго самосохраненія, — инстинктъ личнаго самосохраненія похоронилъ произволь; инстинктъ личнаго самосохраненія породилъ общественные интересы, — общественные интересы похоронили инстинктъ личнаго самосохраненія; общественные интересы породили абсолютную власть, — абсолютная власть похоронила общественные интересы; абсолютная власть, похоронивъ общественные интересы, порождаетъ инстинктъ личнаго самосохраненія, — инстинктъ личнаго

самосохраненія хоронить абсолютную власть, порождая вновь произволъ всѣхъ противъ всѣхъ, каждаго противъ каждаго.

Къ этому произволу, безначалію, или анархїи, какъ полной абсолютной свободѣ, ничѣмъ не стѣсняемому выраженію природныхъ силъ, потребностей и наклонностей всякаго и каждаго, христіанско-научная культура въ тотъ или другой промежутокъ времени должна прійти, т. е. впасть въ свою соціальную старость, постепенно распадаться и умирать, пока не будетъ смѣнена новыми, молодыми нарастающими государствами, завѣщая имъ все богатство своего соціального опыта.

XI.

Вырожденіе науки и анархія мысли.

Допустимъ, что христіанско-научная эпоха, помимо своихъ соціаль-политическихъ условій, будетъ развиваться по своей основной руководящей, здѣсь отмѣченной, идеѣ мира и любви, которая и приведетъ къ концу своего соціального зданія — къ общественному коммунизму.

Допустимъ далѣе, что послѣдній превзойдетъ всѣ наши лучшія ожиданія: человѣческой трудъ замѣнится желѣзомъ и паромъ, забота о житейскихъ потребностяхъ сведется къ минимуму, досугъ, политическая и матеріальная свобода предоставлены будутъ каждому въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Куда и на что направить тогда человѣкъ избытокъ своихъ

силъ; какія цѣли онъ выставитъ тогда для ихъ выраженія; что за идеи будутъ имъ руководить; что за идеалы станутъ его вдохновлять?

Примѣнитъ-ли онъ, имѣющееся въ его распоряженіи, свободное время и силы къ дальнѣйшему прогрессу въ изысканіяхъ природы, въ вопросахъ душевной и соціальной жизни, продолжая безостановочно духовно и нравственно развиваться?

Не здѣсь-ли предстоитъ восторжествовать разуму надъ чувствомъ, человѣку надъ сохранившимся въ немъ еще звѣремъ и въ концѣ уничтожить, сотнями тысячъ біологически сложившійся, идеаль: быть побѣдителемъ, титаномъ, властелиномъ.

Быть можетъ, человѣкъ перенесетъ всецѣло свою несокрушимую потребность къ чисто физической свободѣ, къ борьбѣ, къ сознанию превосходства своихъ мускуловъ и духовныхъ способностей въ сферу чистой, святой духовной дѣятельности, какъ когда-то онъ перенесъ свое земное счастье въ небесные районы, и будетъ въ ней черпать свои утѣшенія и радости?

Или-же наука со всей суммой своихъ духовныхъ интересовъ, со всѣмъ запасомъ знаній и богатствомъ нравственнаго совершенства, подобно религій, слагаясь и кристаллизуясь подъ непосредственнымъ давленіемъ борьбы одного противъ всѣхъ и всѣхъ противъ одного, подчинена такъ же, какъ закону роста и развитія, такъ унадку и смерти?

Посмотримъ-же, что стало съ многообѣщающей, гордо-самоувѣренной наукой, и много ли ея судьба счастливѣе судьбы христіанской религій.

Христіанская религій провозгласила братство, любовь и миръ — и люди пошли имъ навстрѣчу, наука указала на природное равенство — и общественная жизнь ставитъ его себѣ конечною цѣлью. Христіанской религіей пользуются церковь и монархъ для укрѣпленія власти, научными результатами — капиталистъ для обогащенія. Христіанская церковь хочетъ видѣть въ себѣ верховную руководительницу религіознаго культа, но, попавъ на коронную службу, она быстро примирается съ спокойною жизнью рантье. Наука, вдохновленная высшими задачами и предначертаніями судебъ человѣчества, такъ же

скоро съ безкорыстной службы просвѣщенію, прогрессу и культурѣ переходить на доходную должность къ капиталисту.

Нѣтъ болѣе религіи для религіи, а есть еще, приставленные къ церковнымъ обязанностямъ, служители, такъ нѣтъ болѣе и науки для науки; апостолы ея теперь лишь государственные чиновники тѣхъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Наука для людей науки стала лишь превосходнымъ орудіемъ для достиженія личнаго блага, могущества, денегъ и славы.

Научный трудъ, изысканія, открытія, все это стало торговымъ предпріятіемъ; всякое новое изобрѣтеніе, интересно написанная книжка, посредствомъ взятаго патента, авторскихъ правъ, съ лихорадочною старательностью охраняется для болѣе успѣшной эксплоатации. Храмы науки превращены въ ремесленные училища, тамъ учатъ и учатся лѣчить, судить, защищать, разсуждать, писать, считать, чтобъ этимъ мастерствомъ впослѣдствіи обезпечить свою будущность, сдѣлать себѣ карьеру, ободряющимъ примѣромъ чего служатъ сами представители науки — профессора. Профессорской службѣ, да еще съ

практической спеціальностью, въ родѣ спеціальности по женскимъ, нервнымъ, внутреннимъ, накожнымъ и т. п. болѣзнямъ, можетъ позавидовать любой кардиналъ, администраторъ или купецъ-фабрикантъ.

Наука изъ религiи перешла въ ремесло, ее изучаютъ, поскольку необходимо и выгодно знать ремесло, ей вѣрятъ, поскольку она очевидна и примѣнима къ дѣйствительности, ею воодушевляются, какъ искусствомъ практической жизни, — между тѣмъ, какъ отъ гуманитарной, идейной науки осталась лишь одна ея жалкая критика, старательно занятая замуравливанiемъ своихъ собственныхъ бранныхъ остатковъ.

Апостолы положительной науки слились совершенно съ капиталистическими предпринимателями, а представители гуманитарной — выносятъ часто святая святыхъ духовнаго достоянiя на литературное торжище текущихъ газетъ и журналовъ и предаются безнаказанно какой-то вакханалии, лжи, продажности, шантажу.

Религiозный страхъ передъ таинственнымъ челоуѣкъ всецѣло перенесъ на науку, и, пока она говорила и писала по латыни, подъ часъ

не безъ злого умысла передавая самую обиденную мысль въ неудобоваримой для пониманія формѣ, человѣкъ преклонялся передъ ней, какъ передъ священнымъ идоломъ.

Чѣмъ менѣе онъ ее понималъ, тѣмъ болѣе онъ въ нее вѣрилъ и, чѣмъ болѣе онъ въ нее вѣрилъ, тѣмъ скорѣе хотѣлъ сорвать съ нея покрывало недоступнаго и скрытаго. Но таковъ ужъ законъ человѣческой природы: понявъ своихъ боговъ, человѣкъ перестаетъ въ нихъ вѣрить; научившись разбираться въ латинской премудрости, онъ теряетъ вѣру въ эту премудрость.

Утраченную вѣру человѣкъ хотѣлъ замѣнить наукой; на нее онъ возлагалъ самыя пламенные надежды; въ ней онъ искалъ спасенія отъ своихъ лишеній и страданій; здѣсь онъ надѣялся открыть корень зла и добра, отыскать неизмѣнные законы, неуязвимые идеалы, найти новую религію, новаго Бога, Бога — передъ которымъ преклонялось бы все человѣчество.

Но чѣмъ далѣе онъ уходилъ въ изученіи природы, чѣмъ большимъ запасомъ знаній обогатился его умъ, чѣмъ шире раскрывался его собственный духовный горизонтъ, чѣмъ

съ большей страстью онъ отдавался желанію свести космосъ, со всѣми безчисленными его проявленіями, на одинъ единственный принципъ, тѣмъ очевиднѣе становилось для него, что онъ гонится за недостижимымъ, хочетъ познать непознаваемое, постичь непостижимое.

Онъ пробовалъ брать за исходную точку своей мысли то Бога, то природу, то духъ, то матерію, то силу, то субстанцію, то мертвые атомы, то одухотворенный эфиръ, но все оказалось тщетнымъ, чтобъ проникнуть въ сокровенную тайну природы.

Вѣковое упорство и бесплодность, которую выказала въ этомъ направленіи человѣческая мысль должны были привести человѣка къ сознанию, что это стремленіе поконится не столько на сознательной цѣли найти міровой ключъ, сколько на всеобщей, всѣми ощущаемой, потребности дать тотъ или другой отвѣтъ.

Мысль, что не идеаль нуженъ человѣку, не обладаніе имъ, а слѣпая и безотчетная погоня за нимъ, стала для человѣка несомнѣнной, непоколебимой истиной, подтвержденіе которой онъ находитъ не только въ мелкой собственной жизни, но и на всемъ широкомъ

поприщѣ человѣческой дѣятельности, будетъ ли это въ области религіи, политики, философіи, искусства или науки. Передъ вдумывающимся и изушающимъ страницу за страницей исторію человѣческой мысли и жизни развертывается одна изъ грандіознѣйшихъ по своимъ размѣрамъ, одна изъ потрясающихъ по своему содержанію, какая-то дико-зловѣщая по своему замыслу, картина.

Могущественная государства, грозящія все покорить, разрушить и уничтожить, передъ которыми все преклонялось и падало ницъ,— сравнены съ лицомъ земли. Та толпа, которая раболѣпно, колѣнопреклонная, съ священнымъ трепетомъ прислушивалась къ каждому слову своихъ великихъ учителей, — съ гикомъ и смѣхомъ свела ихъ на костры или предала распятыю. Тѣ кумиры, за которые десятки тысячъ жертвовали своею жизнью, давно осмѣяны, оплеваны и сброшены съ своихъ пьедесталовъ. Нѣтъ неразвѣнчаннаго героя, нѣтъ непоруганнаго идеала, нѣтъ такой святой ризы, которая не была-бы забрызгана кровью, нѣтъ для человѣка такого бога, котораго онъ не запятналъ бы своимъ сомнѣніемъ!

Всеобщая исторія оказалась лишь печальнымъ разсказомъ о тиранствѣ и рабствѣ, насиліи и беззащитности, произволѣ и бесиліи, богатствѣ и нищетѣ, гении и невѣжествѣ, надеждѣ и разочарованіи. А кто какой сдѣлаетъ выводъ изъ всего этого — это безразлично. Да и какой выводъ можно сдѣлать?

За всѣ тѣ тысячелѣтія, въ теченіе которыхъ мы можемъ прослѣдить человѣческую жизнь, есть-ли хоть одинъ періодъ времени, одинъ годъ, день, когда люди жили бы такъ, какъ они хотятъ, а не являлись бы произвольными слѣдствіями безчисленныхъ причинъ, дѣйствіе и сдѣленіе которыхъ никто никогда не въ состояніи былъ предугадать и предвидѣть? Есть-ли хоть одинъ такой моментъ, когда можно было-бы сказать, что тотъ или другой народъ или государство были довольны и счастливы?

Многіе изъ нихъ переживали радости побѣды, торжествовали, дѣля награбленное добро, бражничали, распивая чужое вино; но сколько десятковъ тысячъ оплакивали въ то же время жизнь тѣхъ, цѣною которыхъ эта радость была куплена. Одинъ лишь выводъ

можно сдѣлать: счастье одного покупалось и покупается несчастіемъ другого.

Наука, довѣряя только видимому и осязаемому, приучая человѣческой умъ холодно, критически и безстрастно разсуждать, безжалостно отнимаетъ у него идеалъ за идеаломъ, разбиваетъ кумиръ за кумиромъ. Сдѣлавъ для него несомнѣннымъ то, что его личная жизнь не имѣетъ ни цѣли, ни назначенья, ни смысла, что за исключеніемъ ежедневныхъ интересовъ не на что надѣяться, не за что ратовать, не къ чему стремиться, она показала ему съ тѣмъ же безсердечіемъ, что всѣ общественные, государственные и общечеловѣческіе побужденія и идеалы имѣютъ лишь временное, переходящее значеніе, и всякая надежда на окончательное спасеніе народа и человѣка отъ его нуждъ, бѣдствій, несчастій, невѣжества, отъ эксплуататоровъ и поработителей есть такая же неосуществимая и несбыточная мечта, такой-же бредъ больной фантазіи, какъ бредъ національный, патріотическій или религіозный.

Наука, отнявъ вѣру въ Бога, въ безгрѣшность папы, въ соціальную святость короля, заставляетъ человѣка утратить вѣру въ выс-

шее назначеніе человѣческой жизни, въ обще-
человѣческое счастье, и онъ уже съ нескры-
ваемой улыбкой скептицизма встрѣчаетъ вся-
кую надежду на болѣе счастливое время. Съ
пріобрѣтенной свободой мысли исчезаетъ ре-
лигіозная авторитетность, съ общественною
самостоятельностью — государственная, съ
добытымъ запасомъ знаній слабѣетъ вѣра въ
научную авторитетность. Чтобъ вѣрить въ
авторитеты, нужно вѣрить въ высшія задачи
науки, вѣрить въ духовные принципы, вѣрить
въ достижимые нравственные, общественные,
общечеловѣческіе идеалы и цѣли; между тѣмъ,
безвѣріе, полное, абсолютное, стало един-
ственной исповѣдуемой религіей.

Изобрѣтенныя машины подавили любовь къ
кропотливому, ручному, самостоятельному
труду, а привитое человѣческому уму всезна-
ніе отняло у него силу любознательности,
подкосило въ немъ любовное творчество, по-
летъ и самостоятельность мысли. Онъ впе-
редь знаетъ, что нѣтъ такой идеи, музыкаль-
ной фразы, комбинаціи красокъ, такой госу-
дарственной и мировой системы, которая не
были-бы сотни разъ повторены, опровергнуты
и забыты. Вся его интеллектуальная актив-

ность сводится къ тому, что онъ старается все раскритиковать, разрушить, высмѣять или свести къ безынтересному историческому старью.

Потерявъ смыслъ и цѣль личной и общественной жизни, пресыщенный и переутомленный всезнаніемъ, истощенный и исковерканный непосильной духовной конкуренціей, интеллигентный человѣкъ сталъ апатиченъ ко всему, даже къ своему собственному счастью. Полное невѣріе въ авторитетность, потеря уваженія къ чужой личности, отсутствіе міросозерцанія, руководящаго принципа, строго сознаваемаго назначенія собственной жизни, абсолютное исчезновеніе социальныхъ идеаловъ должно было съ естественной необходимостью также ослабить острый характеръ самолюбія, тщеславія, стремленія къ почету, власти, общественному положенію.

Лишенный одухотворящихъ идеаловъ, животрепещущей всесторонней дѣятельности, человѣкъ предался или лѣнивому, равнодушному самосозерцанію, или болѣзненному, всепарализующему самоанализу. Его ужъ не занимаютъ ни страданія, ни радости, ни мнѣнія, ни желанія другого, онъ не можетъ бо-

лѣе работать и жертвовать для ближняго, онъ не хочетъ болѣе ничего знать, видѣть, съ кѣмъ-либо дѣлиться впечатлѣніями и убѣжденіями, онъ хочетъ быть одинъ, одинъ—точно тоскуя о потерянномъ Богѣ, объ исчезнувшемъ идеалѣ, отыскивая, чѣмъ бы занять свою мысль, на чемъ бы остановить свое вниманіе. Человѣкъ извѣрился и усталъ. А лучшія, крупныя силы въ то же время не знаютъ что дѣлать: шить-ли сапоги, пахать-ли землю, или писать романы, рисующіе весь органическій разладъ, бессмысліе и безобразіе того общества, которое мы называемъ передовымъ, цивилизованнымъ, культурнымъ! Онѣ не знаютъ, прославлять-ли силу, величіе и прогрессъ ума или съ голымъ цинизмомъ надсмѣхаться надъ его безсиіемъ, ограниченностью и несбыточностью всѣхъ его плановъ и цѣлей, нелѣпостью всѣхъ его идеаловъ и кумировъ! Онѣ не знаютъ, чему учить, что проповѣдывать, на что надѣяться, кѣмъ восторгаться и чѣмъ возмущаться!

Онѣ не знаютъ, воспѣвать ли дѣтей нашей культуры, этихъ блѣднолицыхъ, изможденныхъ неврастениковъ, до ідиотизма специализировавшихся жонглеровъ-медиковъ, юри-

стовъ, филологовъ, или восхвалять другой типъ: знакомыхъ со всѣми языками, народами, философами, царями, богами, актерами, этихъ пишущихъ, читающихъ, играющихъ, разсуждающихъ, всеумѣющихъ, всезнающихъ, — исключая того, куда дѣтъ свою жизнь, — живыхъ автоматовъ! Или же съ чувствомъ глубокаго отвращенія и презрѣнія отвернуться отъ нихъ и, не скрывая, восторженно, открыто мечтать о томъ человѣкѣ, на котораго наша прославленная цивилизація не наложила своей печати проклятя, о томъ духовно-дѣвственномъ, полномъ физической силы, страсти и энергіи человѣкѣ, какимъ его родила природа!

Здѣсь и тамъ призывъ къ природѣ слышится все сильнѣе и сильнѣе; мать природа зоветъ своихъ изболѣвшихся, изуродованныхъ дѣтей къ себѣ, на лоно широкой свободы.

Цѣпи общественной жизни, сковавшія и приковавшія такъ тѣсно, такъ неразрывно человѣка къ человѣку, грозятъ въ одинъ моментъ порваться, и каждый готовъ, очертя голову, броситься въ пучину своихъ подавленныхъ, но не угасшихъ природныхъ ин-

стинктовъ. Таинственно чарующимъ міромъ кажется современному человѣку тотъ, гдѣ онъ могъ-бы хоть на одинъ моментъ, на одинъ часъ, сбросить съ себя всѣ эти государственные, общественные, нравственные, родственные, семейные, личные законы, обязательства, обычаи, приличія, урегулировавшіе всѣ его поступки, мысли, чувства и желанія — до безумія, до полного духовнаго и физическаго истощенія. И прямой внукъ и правнукъ христіанско-научной эпохи стоитъ передъ нами съ надорванными нервными силами, съ надломленной энергіей ума, съ утерянной волей, съ увядшей фантазіей; его ничто не радуетъ, не удивляетъ, не возмущаетъ, онъ равнодушенъ ко злу и добру, къ себѣ и другимъ; усталый и больной, онъ ищетъ отдыха, и думаетъ, бѣдный, его найти за предѣлами всего того, что его окружаетъ.

Это наука, атрофируя въ немъ постепенно чувство вѣры, возводя безвѣріе въ вѣру, лишила его всего святого и дорогого, цѣли и смысла, надежды и идеала, опоры и почвы, силы и энергіи жизни. Она привела его къ духовной невоздержанности, она научила его не почитать и не слушать авторитетовъ, она

хотѣла его духовной и соціальной самосостоятельности, и онъ кончаетъ даже безвѣріемъ въ нее самое, полной общественной разрозненностью, отсутствіемъ общихъ интересовъ, индивидуальнымъ произволомъ, принципіальнымъ безначаліемъ, или анархіей.

Такъ безвѣріе породило суевѣріе — суевѣріе похоронило безвѣріе; суевѣріе породило религію — религія похоронила суевѣріе; религія породила науку — наука похоронила религію; наука породила безвѣріе, а безвѣріе хоронитъ науку. И сказка можетъ начаться съ начала.

XII.

Анархія, какъ „*momento mori*“, христіанско-научной культуры.

Христіанская религія и наука служили величайшими рычагами прогресса христіанско-научной эпохи. Онѣ способствовали тѣснѣйшей общественной интеграціи; благодаря имъ государственные правители достигли апогея своей власти, человѣкъ своего высшаго интеллектуальнаго развитія; онѣ изошрили всѣ формы индивидуальнаго ограниченія, но онѣ же первыя подали голосъ за его свободу, зажгли пламя возмущенія противъ насилія власти; въ нихъ рабство почерпнуло мысль о человѣчности, любви, равноправіи, о полной индивидуальной свободѣ поступковъ. Онѣ поведуть государство за государствомъ къ общественному разложенію, къ регрессу,

какъ вели ихъ когда-то въ могуществу, къ прогрессу.

Противъ такого заявленія невольно возстаетъ нашъ инстинктъ общественнаго само-сохраненія, онъ возмущается, онъ готовъ наложить свое veto, онъ не можетъ допустить, чтобъ главный источникъ, изъ котораго мы черпали свои силы, вдругъ оказался смертельной заразой, чтобъ та единственная почва, на которой мы твердо держимся и беззаботно держались, грозила-бы подломиться подъ нами и бросить насъ съ разрушающей силой въ пропасть невѣдомаго.

Изо дня въ день, наслаждаясь и страдая, человекъ не думаетъ о томъ, что всѣ его надежды, цѣли и стремленія въ одинъ прекрасный день прикроются гробовою доскою, и еще въ часъ прощанья съ жизнью онъ, обнадеживая себя всевозможными обманчивыми предположеніями, собираетъ всѣ доводы ума, чтобы разубѣдить себя въ неизбѣжности кончины. Точно также мы готовы признать, что всякое государство, всякая обособленная культура, имѣя свое начало, свой расцвѣтъ, свои дѣтскіе, юношескіе и зрѣлые годы, рано или поздно, въ силу внутреннихъ или внѣшнихъ

причинъ, должна впасть въ старость, приблизиться къ концу своего существованія.

Но мы не хотимъ ничего подобнаго допустить въ отношеніи переживаемой христіанско-научной эпохи; она намъ близка, дорога, намъ трудно разсуждать о ней объективно: съ ней мы сжились и сроднились, она наша плоть и кровь, съ ней связана наша жизнь, во имя ея мы страдали и страдаемъ, боролись и боремся, надѣялись и надѣемся, вѣровали и вѣруемъ, ея конецъ кажется намъ нашей собственной смертью.

Вѣра въ нашу неистощимую силу, въ нескончаемую продолжительность жизни нашей культуры зиждется не столько на избыткѣ сознаваемыхъ общественныхъ силъ, сколько на унаслѣдованномъ самообманѣ антропо-центральной точки зрѣнія, на привычкѣ разсматривать себя за центральный пунктъ всего мірозданія, думать, что природа имѣетъ опредѣленную цѣль, строго законченный планъ, свои замыслы и тайны, въ которые мы, наконецъ, вторгнемся, проникнемъ, понявъ и разгадавъ ихъ, вступимъ въ царство блаженнаго счастья и начнемъ сами повелѣвать, приказывать и господствовать надъ природой.

Человѣкъ не допускаетъ, чтобъ весь этотъ переходъ изъ одной противоположности въ другую, вся эта борьба противорѣчій, бросаніе изъ крайности въ крайность не имѣли-бы своей цѣли, назначенья, удовлетворяющаго конца, общаго примиренія, — чтобы единичная, общественная, государственная жизнь — все это было-бы глупой забавой мертвой, бездуш-ной, безъ разума и чувства, слѣпой силы при-роды. Онъ не можетъ примириться съ мыслью, что для природы безразлично, ходитъ ли по землѣ ревностный защитникъ добродѣтели и истины или глупецъ, алчущій лишь животныхъ наслажденій; что она съ тѣмъ-же наивнымъ равнодушіемъ смотритъ на пробивающуюся жизнь и предсмертную агонію, на поцѣлуй любви и вонзающійся въ сердце кинжалъ, что она одинаково шлетъ свое благословеніе и воодушевляетъ тѣмъ-же силами злоумышлен-ника на кровавое преступленіе и ученаго, работающаго на благо человѣчества!

Однако, если есть въ природѣ какой-нибудь замыселъ, стремленіе, міровая тенденція, то она можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобъ дать широкій просторъ хранящимся въ ея нѣдрахъ силамъ. Воплотятся-ли онѣ въ несущ-

щемся пескъ по африканскимъ пустынямъ, въ бѣгущихъ ли волнахъ безбрежнаго моря, въ застывшемъ ли сцѣпленіи атомовъ кристалла, въ нѣжныхъ ли стебелькахъ благоухающей розы, въ ползущемъ ли въ грязи червякѣ, въ сидящемъ ли на тронѣ монархѣ, — это безразлично, она имѣетъ одну волю, одно желаніе, одинъ законъ—чтобъ все родилось, жило, боролось и умирало.

Въ силу именно этого закона, не самосохраненіе есть руководящій мотивъ всего живущаго и существующаго, единичной и общественной жизни, а борьба. Первое идетъ лишь неразрывно со второй, и все столько же борется за свою собственную жизнь, сколько и за смерть, столько же хочетъ мира, любви и отдыха, сколько неудержимо ищетъ безпокойства, вражды и войны, — и все это совершается такъ же помимо доброй воли, согласія и разума, какъ всѣ остальные функціи жизненныхъ отправленій.

И какъ бесполезно гоняться за отысканіемъ цѣли и смысла существующаго антагонизма между матеріей и силой, между органическимъ и неорганическимъ, между созиданіемъ и разрушеніемъ, между жизнью и смертью,

такъ безразсудно спрашивать: къ чему и для чего человѣкъ со всей страстью своего существованія борется за свою жизнь, нападаетъ и защищается, страдаетъ и наслаждается, чтобъ превратиться, наконецъ, въ бездыханный трупъ, оставляя послѣ себѣ подобное же существо, съ тѣми же неизмѣнными и жалкими задачами? Зачемъ общество, могущественное государство или цѣлая человѣческая эпоха живетъ, чтобъ умереть и, умирая, начать жизнь снова?

Непримиримыми были и останутся въ природѣ силы притяженія и отталкиванія въ неорганическихъ тѣлахъ, силы разрушенія и возстановленія въ органическихъ, инстинктъ самосохраненія и стремленіе къ борьбѣ въ каждомъ живущемъ существѣ, непримиримыми, останутся силы координаціи и индивидуализаціи, власти и рабства въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ.

Какъ жизнь не для смерти, а смерть не для жизни, хотя они и обусловливаются другъ другомъ, другъ безъ друга немислимы, такъ и общественная жизнь не для счастья индивидуума, а индивидуумъ не для счастья об-

щества. Общество требует рабства, а индивидуумъ свободы!

Поэтому не невѣжество, не органиченность, не душевная черствость были причиной того, что завѣти любви и мира, требованія братства, равенства и свободы, внушавшіеся людямъ то оружіемъ, то увѣщеваніемъ, то насилиемъ, то разсужденіемъ, остались за протекшія двѣ тысячи лѣтъ лишь полезными факторами въ борьбѣ каждаго со всѣми и всѣхъ съ каждымъ, а то, что борьба и самохраненіе, эгоизмъ и альтруизмъ, индивидуумъ и общество, по своей органической сущности, непримиримы.

Глубочайшая и величайшая тайна человеческого сожительства, какъ привести индивидуальную жизнь, со всѣми ея запросами и интересами въ стройное согласіе, съ требованіями и интересами общественной жизни, останется неразгаданной и христіанско-научной эпохой.

Этотъ антагонизмъ не можетъ быть ею разрѣшенъ и примиренъ, такъ какъ онъ составляетъ органическую сущность всякой общественной жизнедѣятельности; благодаря ему, христіанско-научная эпоха росла и цвѣла,

благодаря ему-же, она уйдетъ въ безбрежное море человѣческой жизни, канетъ въ ту пропасть безвозвратной вѣчности, гдѣ спятъ давно непробуднымъ сномъ забвенія тевтонская, кельтская или латинская цивилизаціи.

Однимъ изъ предвѣстниковъ этой старческой слабости нашей культуры и будетъ та анархія, которая теперь, то въ поэтическихъ образахъ, то въ философскихъ идеяхъ, то въ социальныхъ теоріяхъ, то въ непосредственномъ проявленіи личнаго произвола надъ представителями общественнаго произвола уже старается найти себѣ выраженіе.

Нужно ли говорить о томъ, что всѣ бомбы, всѣ револьверы, всѣ безчеловѣчныя убійства всѣхъ анархистовъ, взятыхъ вмѣстѣ, ни на одинъ шагъ, ни на одинъ моментъ не совратятъ, не остановятъ, не отташатъ назадъ, не подвинутъ впередъ ровнаго теченія культурной жизни. Она какъ народилась, жила и развивалась, такъ и состарится и умретъ по ей лишь свойственнымъ, внутреннимъ, ничѣмъ ненарушимымъ законамъ. Чтобъ вступить въ новую фазу общественной жизни, для этого недостаточно желанія двухъ-трехъ или даже всѣхъ, но она должна быть социаль-

политически готовой, зрѣлой, пережить предшествующія, подготовительныя стадіи, какъ ихъ переживаетъ зародышъ въ утробѣ матери, передъ тѣмъ, какъ вступить въ свѣтъ.

Но безразсудно думать, что полицейскими мѣрами, теоретическими нравоученіями или беллетристическими надсмѣхательствами мы можемъ остановить, пресѣчь или уничтожить эту реакцію общественнаго разложенія. Анархія, какъ антисоціальная разлагающая сила, идетъ неразрывно въ продолженіе всей жизни общественнаго организма, то ослабляясь, то обостряясь, то дѣйствуя эпидемически, то принимая хроническую форму, и въ переживаемый нами періодъ она выступаетъ серьезной, осложнившейся болѣзью.

Поэтому въ лицѣ анархіи и анархистовъ настоящаго времени мы имѣемъ дѣло не съ группой людей, страдающихъ политическимъ геростратизмомъ или соціальнымъ умопомѣшательствомъ, не съ фанатическими защитниками безумной теоріи, но съ горькой дѣйствительностью, вытекающей съ неумолимой соціаль-органической послѣдовательностью изъ внутреннѣйшихъ и затаеннѣйшихъ уголковъ нашей культуры.

Итакъ анархія, болѣе чѣмъ опасный врагъ, мы съ нимъ не встрѣтимся лицомъ къ лицу, не помѣримся оружіемъ, нашей силы, ловкости и храбости не примѣнимъ, потому что онъ не внѣ насъ, а въ насъ самихъ, живетъ въ тканяхъ нашего собственнаго организма, растеть и укрѣпляется на счетъ тѣхъ соковъ, которыми питается само общество. Мы его простыми глазами не рассмотримъ, руками не поймаемъ, силой своихъ мускуловъ не задушимъ и не найтн намъ для него смертоносной моральной сыворотки, если природныя силы общественнаго организма не въ состояніи подавить его своею жизнеспособностью.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

HX   Grave, Jean
894   Umiraiushchee obshchestvo
G857   i anarkhiia

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 04 05 03 015 8